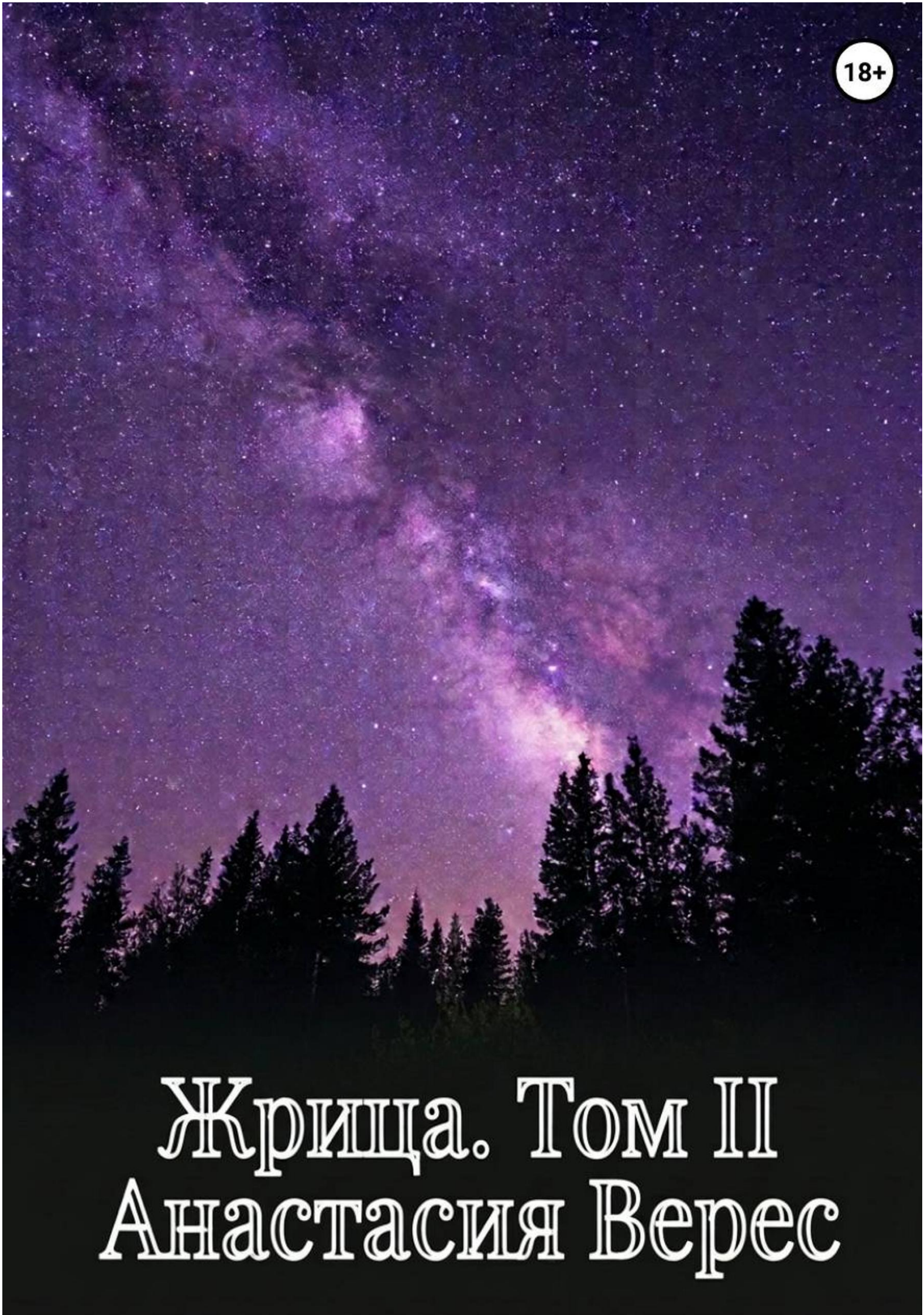

Жрица. Том II

Анастасия Верес

Анастасия Верес

Жрица. Том II

«Автор»
2026

Анастасия Верес

Жрица. Том II / Анастасия Верес — «Автор», 2026

Пока мир ждет нового мора, Жрица ищет способ изменить предначертанное. Боги не дают ответов даром, а каждая сделка требует своей цены: память, любовь, боль — ничто не остается неприкосновенным. И чем ближе час выбора, тем труднее понять, что страшнее: потерять близких или попытаться спасти их любой ценой.В мире, где даже милосердие может оказаться ловушкой, а вечность принадлежит Богам, остается лишь одно — найти собственный путь, прежде чем они решат все за тебя.

© Анастасия Верес, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 6
Глава 2. 17
Глава 3. 27
Глава 4. 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Анастасия Верес
Жрица. Том II

«Жрица. Том II»

Глава 1.

— Подойди, — просит Ардар, а страх сковывает. Я до боли стискиваю пальцы, надеясь, что это поможет справиться с собой. Туман уже должен скакать в сторону дома и не оглядываться назад.

Я смотрю вниз и делаю шаг, затем другой. Страшно поднять голову, потому что ненависти к Ардару много, но дать ей выплеснуться сейчас нельзя. Мне страшно, потому что есть только один человек способный поднять всю муть из глубин души. И он нашел меня.

Люди вокруг молчат, в тишине каждый шаг по скрипучему снегу — как раскаты грома.

— Кошка, — зовет он, когда я замираю в полуметре от крыльца. Ардар делает последний шаг, касается моего подбородка рукой и заставляет посмотреть в глаза. Его взгляд иной, в нем больше вины и тоски, чем ярости и власти, но меня не обмануть, я знаю, какой зверь Ардар.

Он всматривается в лицо, будто хочет удостовериться, что это действительно я. Гладит меня по щеке большим пальцем, и, чтобы не вздрогнуть, не отшатнуться, я стискиваю руки еще сильнее. Ардар, заметив это, печально вздыхает, но уйти не позволяет. Продолжает смотреть, вынуждая не прятать глаз.

— Пойдем внутрь, — произносит он, все же отпустив, и уходит за дверь, уверенный — я последую за ним. Ведь иного пути у меня и нет. Больше нет Запада. Больше нет рек и дорог. Я возвращаюсь на Север.

На короткое мгновение прикрыв глаза и вдохнув напоследок воздух свободы, я захожу в дом, который был моим, который он разрушил, который теперь чужд и полон дурных воспоминаний.

Дверь за мной закрывается, и та самая тягучая ядовитая смесь ненависти и преданности, запертых в одной грудной клетке, окончательно возрождается.

— Где ты убил Птаху? — я впервые решаюсь говорить о том дне, никогда до этой поры не хватало духу. — Собаку.

— Много лет минуло, Кошка. Мне не вспомнить уже, — Ардар обходит стол и задергивает занавески на окне.

Мама… Женщина, что родила меня и девочек, прячется в другой комнате, отгородившись пологом. Это правильно. Пусть отсиживается там, иначе я могу сама завершить то, что Ардар оставил незаконченным. Он не стремится больше касаться меня, но я по-прежнему не желаю обманываться. Двенадцать лет бок о бок достаточно, чтобы изучить его.

— Я все думал, что, если за эти годы ты изменишься слишком сильно, и у меня не получится тебя узнать.

— Получилось?

Он хмыкает и снова смотрит, словно чего-то ждет. У Ардара тяжелый взгляд, он давит, сковывает, мешает думать, но я возвращаю ему сторицей. Годы, годы понадобились мне, чтобы смотреть в его глаза, не пылая яростью, обуздав ее внутри. Я не стану расспрашивать, как ему удалось найти меня, или о чем-то просить, даже если Ардар будет ждать до весны. Ненавижу просить.

— То, как ты смотришь на меня, неизменно.

— Где девочки?

— Дома, под защитой твоего чудища и моих людей.

Я думаю, что он подобрал правильное слово. Это место никогда не было их домом, только моим, а девочки видели лишь города полные снега и холода. Им вовсе не нужно знать ничего из того, что открылось мне. Я расскажу о тихих землях, книге и только. Ничего больше.

Мать появляется из спальни, резко отдернув полог в сторону, стоит упомянуть девочек. Она порывисто вздыхает, намереваясь спросить, но я перебиваю:

— Надеешься выторговать встречу с ними? Не выйдет.

— Я жертвую побольше твоего, — сурово, будто воспитывая, произносит мать, пеняя мне на излишнюю жестокость. — Желаешь меня судить — суди, но не смей говорить, что я торгую тобой. Ты бы пошла на Запад, а там…

— Запад? — выдыхает Ардар. — Ни за что. — Притворная доброта исчезает из его взгляда, и проявляется истинная натура. — Никогда. Никогда ты не пойдешь на Запад.

— Это больше не имеет смысла. Ты ведь нашел меня, — я говорю спокойно, не выдавая своей горечи, но она рвется наружу. Я теряю больше чем просто свободу, и осознание всех утрат хуже яда кромула. Может нет нужды держать лицо? Все.

Ардар делает шаг ко мне, но, передумав, берется за стул и садится. Он упирается локтями в колени и запускает пальцы в волосы. Сдерживается. Старается играть по-новому. Старается.

— Кошка... — зовет он. — Ты же видишь, я не убивал твою мать.

— Ты сделал много других непростительных вещей.

Он хватает меня за руку, дергает на себя, я едва успеваю зацепиться за край стола, чтобы не упасть.

— Кошка, — шепчет он, оглядывая меня всю, пальцы сжимают талию, поднимаются выше, скользят как змеи, я невольно вздрагиваю. Он останавливается, и в его холодных как льдины на воде глазах сияет боль, словно блики от солнца. — Я понимаю. Я понял. Мы все поправим.

Глубоко внутри у меня снова разгорается ненависть, яростный смешок вырывается из горла. Ложь.

— Я все исправлю, — шепчет Ардар, утыкаясь лицом в мой живот. Он стискивает ладонями спину, будто оплетая путами, — я все исправлю. Все исправлю. Я исправлю. Все исправлю, все… Все…

Я смотрю на мать, она отводит взгляд, не может вынести зрелища.

Ты думала, дело только в клятве? Ты думала, он не калечил меня своей дурной зависимостью? Думала, он позволит мне просто жить и блюсти обещание?

— Кошка, — Ардар гладит по спине, берет руку, прижимает к своей щеке. — Кошка… — Он похож на умалишенного, повторяя одно и тоже, цепляясь за меня. — Кошка… — он говорит, будто не веря, что я перед ним, снова пойманная спустя почти пять лет. — Кошка…

Я больше не Кошка. У меня другое имя.

Рывком он поднимается со стула, склоняется, я успеваю отвернуться, целует меня в шею, за ухом. Его руки держат и не дают двинуться. Он хочет, чтобы я чувствовала то, что чувствует он. Он называет это любовью.

Ненависть вырывается из меня всхлипами. Судорогами.

Он дышит мной. Расплетает волосы, путает их пальцами. Он гладит шею, руки, мнет ворот рубахи, задирает ее, касается живота.

Оторвавшись от меня, Ардар кричит маме:

— Уйди! — И она выбегает из дома, оставляя нас наедине. — Можешь отдать Забвению свою собаку, — разрешает он, держа меня за подбородок, а после почти кусает за губу.

Я думаю о Птахе, резвящейся на поляне с земными звездами, и отдаю это Забвению. Что угодно, лишь бы забыть, как он прикасается.

Мое тело не мое тело — единственное, что нужно помнить.

Он уносит меня в спальню, а я закрываю глаза. Это должно быть быстро.

— Что случилось с твоей рукой? — Спрашивает Ардар, тяжело дыша, пока я поправляю одежду, а Забвение завершает сделку. Он ловит мою ладонь и ведет пальцами по шраму сначала с одной стороны, после с другой.

— Порез.

— Ты стала еще молчаливее, — он кладет руку на мою спину и, не сдержавшись, я вздрагиваю, выгибаюсь, отстраняюсь как можно дальше. — Отвыкла… — грустно произносит Ардар и снова тянет к себе, прижимает к груди. — Ничего, Кошка. Я же сказал тебе, я все понял. Я зарекся. Я всем Богам готов пообещать, что исправлю. Будет по-другому, ты сама удивишься.

— Что ты хочешь исправить? — Когда речь заходит о Богах, я должна выполнять свою работу. Его сердце бьется шумно, быстро, и я мечтаю, что Смерть заберет его очень скоро и освободит нас обоих. Но это будет не так весело, как убить целый город.

— Не сейчас. Все сделки потом, — он обнимает меня обеими руками, и, отрешившись от всего, я ухожу мыслями далеко, не пускаю Калу, не пускаю Тумана. Я смиряюсь.

Хорошо. Ладно. Пусть так.

Ардар разочарованно разжимает руки и, получив возможность отстраниться, я отодвигаюсь к краю кровати. Дальше. Дальше отсюда, пока он не заставит вернуться.

Осталась бы в тихих землях, никто и никогда не нашел бы меня, и даже Боги, проклятые Боги, не смогли бы сказать ни слова. Где лишь Смерть смогла бы навестить, где Кала оставалась бы со мной на веки вечные, там бы не было ничего, кроме покоя и знаний прежних людей.

Мне нужно сберечь книгу, что отдала мать. Она нашла там только один способ, я отыщу другой.

Я не осталась в тихих землях, в безопасности и в стороне от Богов, потому что у меня есть девочки. И пока они есть, есть я. Пока я есть, будут и они.

— Когда мы возвращаемся на Север?

— Сегодня же выступим к ближайшему городу. — Ардар поднимается на ноги. — Мы останемся с тобой за стенами, внутрь не войдем, тебе не стоит там появляться. Потом на машины и домой, Кошка. Меньше полторы декады пройдет, увидишься со своими девчонками.

Обратно в Парсон и оттуда мимо рек по торговым дорогам за десять дней — тот путь, который я прошла за пять лет.

— Поешь, приведи себя в порядок, отдохни, — разрешает Ардар и уходит за занавеску, шумит на кухне посудой. Я встаю с мятой постели, расправляю покрывало, укладываю подушку в середину, уничтожаю все следы произошедшего. Я не помню, но знаю.

В маленькой комнатке, за стеной кухонной печи, опускаю лицо в таз с водой и беззвучно кричу, а после, резко выпрямившись, обливаюсь. Холод пронизывает, поднимается от стоп, застывает в груди. Я с остервенением отмываю кожу, скоблю ногтями до красных следов, насухо вытираюсь рубахой и отбрасываю в сторону как ненужную тряпку. Перевязываю грудь, натягиваю штаны, сапоги, отжимаю волосы да так и бросаю их распущенными.

Вернувшись в спальню, без стеснения выбираю новую рубаху из вещей мамы и надеваю. Мне хочется заменить всю свою прежнюю одежду, но пока я довольствуюсь малым. Ненужными вещами заполняю сумку, чтобы книга не бросалась в глаза. Напоследок захватив старую игрушку с детской кровати, я выхожу из спальни и сажусь за стол напротив Ардара.

— Ну, Кошка, расскажи, как жила? Где бывала? — Он выглядит более спокойным, уверенным. Таким он завоевывал Север, таким я его знаю. Кала в чем-то была права, без меня он слабее. У меня есть власть над ним, такая же, как у него надо мной. Даже больше.

— Я думала, ты будешь злее, если мы снова встретимся.

— Если? — с улыбкой удивляется Ардар. — Выходит, и вправду считала, что я тебя не найду. Эх, Кошка-Кошка, за столько лет ты должна была бы понять, я от тебя не отступлюсь. Пусть бы это заняло несколько десятилетий, тебе всегда пришлось бы прятаться, потому что я никогда не перестану тебя искать, если ты снова уйдешь. Понимаешь?

— Так ты не злишься? — я обрываю его жаркое признание.

— Злюсь. Но мы все исправим, — обещает Ардар, и меня начинают волновать его слова. Раньше ничего, кроме выживания северных племен, не занимало его так сильно. — Теперь будет иначе, Кошка. Так зачем ты сбежала?

— Хотела найти способ освободиться от клятвы. — Не видя причин лгать, я думаю только о том, что книгу Ардар не должен найти, а все остальное мать могла ему рассказать. В том числе и о Тумане.

— Разочарована?

— Немного. Чуда я не ждала.

— И ты решила уйти на Запад?

— Я туда и шла. — Мне кажется, что говорить ему о тихих землях не стоит.

— Через Юг? — Ардар неподдельно удивляется.

— Так получилось.

— Ох, Кошка, как же ты нелепо недоговариваешь.

Я пожимаю плечами и, сцепив пальцы, укладываю на них подбородок. Пока есть шанс умолчать о хаасах, никаких лишних признаний от меня не будет.

— Про Запад ложь. Там нет ничего хорошего, — произносит Ардар, и я должна ему не верить, я ведь не встречала Иаро:

— Люди говорят иное.

— Многое из того, что я знаю о таких, как ты, я знаю, потому что бывал там.

— И что с того?

— Верь мне, Кошка. Я не желаю тебе зла.

Не сдержавшись, я хохочу как безумная закрыв лицо ладонями. Ненависть жжет нутро, что-то надламывается, я трещу по швам как старая одежда, я износилась. От меня мало осталось, я раздала себя Богам, Птаха почти забыта, девочки практически мертвы. А Ардар не желает мне зла. Творит, не желая. Разве не прекрасная шутка? Лучшая из всех.

Он касается моего плеча, и я подскакиваю, стул опрокидывается. Мелкая дрожь липнет к пальцам, я прижимаю их к щекам, продолжая смеяться.

— Кошка, — встревоженно шепчет Ардар.

— Я тебя ненавижу, — сквозь смех, сквозь слезы, голос звучит странно чужим. — Я бы тебя убила, если бы могла. Если бы не было девочек. И тебя, и себя.

— Я уже сказал, мы все исправим, — сдержанно отвечает он. Моя истерика обрывается так же внезапно, как и началась, и внутри воцаряется отчаяние. Пустота. Внутри меня был ребенок, которого я любила.

— Ничего тут не исправишь.

— Вот увидишь, — снова обещает Ардар, и, подняв мой стул, возвращается за стол. — На Западе тебя ждут только костер и, может быть, годы рабства. Можешь усмехаться сколько вздумается, но ты никогда не была безголосой вещью, и я никогда не хотел отдать тебя огню.

Только моего ребенка.

— Кроме всего прочего, Запад — лишь хитроумная ловушка для легковерных девиц, а ты не такая. Даже в восемь лет, когда у тебя на руках было два младенца, тебе хватало разума не отдавать их незнакомым людям, говорящим на непонятном языке. Не пытайся убедить меня, что изменилась, став доверчивой простушкой. Ты как хороший клинок — только затачиваешься, становишься острее, опаснее. Прекраснее. Ты больше не говоришь с Богами, и я тебя не прошу об этом, а там, если прознают, кто ты, заставят. Так что ты надеешься найти на Западе?

Я задумываюсь, стоит ли рассказать ему о доле девочек, о том, что нас ждет, если я не сумею найти способ защититься. Ардар сделает многое, чтобы сохранить меня рядом. Может отправить кого-то на Запад для поисков, а может запереть нас с девочками в каменной тюрьме, пока одна из них не умрет, а этого я позволить не могу. Слишком рискованно.

Я качаю головой, не отвечая на вопрос. Пусть знает только про клятву, этого достаточно.

— Ты поэтому ушла? — прямо спрашивает Ардар, глядя мне в лицо. Стойкий воин, хладнокровный убийца, бесстрашный и перед лицом Смерти, но в его глазах — непонимание, растерянность, надежда.

— Я ушла, потому что оставаться было невыносимо.

Он тяжело сглатывает и кивает. Объяснение устраивает его целиком, без лишних вопросов. Даже уточнять про девочек нет нужды.

— Так что произошло с твоей рукой? Кто это сделал?

— Случайность.

— Прошлой весной в Кортиге убили блаженную храмовницу в святом круге. Я опасался, что это ты.

— Убила или мертва?

Ардар улыбается прошлым тревогам:

— Женщина в дороге в течение пяти лет и всего лишь один шрам. Боги защищают тебя. Теперь я знаю это.

— Может, они и на Западе будут меня защищать. — Легкомысленно пожав плечами, я пытаюсь обуздать быстро бьющееся сердце, медленно дыша.

— Мы возвращаемся домой, — ровно произносит он. — Я не могу оставлять Север надолго.

— Что там происходит?

— Бунт. Снова хотят поделить территории.

— А люди?

— С каких пор тебя волнует что-то еще, кроме твоих девчонок и чудища? — нервно рассмеявшись, Ардар откидывается на спинку стула, немного расслабляется. Он ждал подвоха от меня, а получив небольшую истерику, заметно успокаивается. Вроде как, легко отделался, не понадобилось догонять и ловить, отбивать у кого-то другого. — Или тебя волнует то, что люди могут сделать с ними, если начнется бардак?

Он не говорит «если я не стану вас защищать», он не даст ничему случиться с нами, но Ардару интересно посмотреть, буду ли я бояться. Нащупывает новые границы, проверяет зависимость, покорность. Девочки — самое слабое место, Кала — одна из тех, кто дорог, тем не менее вместе они в безопасности, а я знаю, как уберечь их при необходимости, и пока Ардар не знает о Тумане, ему нечем мне угрожать.

Он не говорит «если я не отпущу вас, и мы погибнем вместе». Все годы рядом с Ардаром были такими, не ново. Вокруг него всегда есть враги, так же, как и друзья. Этим меня не напугать.

Он не говорит «я убью любого, кто приблизится к тебе». Но однажды убил.

Он многого не говорит.

Я не спешу отвечать. Ардар не знает, что мне довелось видеть и чувствовать за пять лет. Через какие леса и реки проходила, как пряталась, как близок он был возле Крифа, как Смерть гладила меня рукой, но не забрала… Не знает, что Кала сильнее ниад, и нет места страшнее, чем рядом с ним.

Я тоже многого не говорю.

Думаю, тишина угнетает его больше меня, и потому я продолжаю мучить Ардара молчанием.

— Не надо, Кошка. Мы не станем ссорится сразу же, даже не пытайся. Не желаешь говорить, поедем.

Он проходит, открывает дверь, в дом врывается холодный воздух, и у меня моментально застывает кровь. Я окидываю взглядом комнату, мою детскую чашку на полке, старую печь, пол, где истекала кровью Птаха, занавески на окнах. Это место теперь пустое, осквернённое, а было бесценным. Я прячу игрушку в сумке, надеваю куртку и поворачиваюсь к Ардару. Он не торопит меня. Такой понимающий, терпеливый, сдержанный. Разрушающий, ядовитый, душащий.

— Можем однажды вернуться сюда, если захочешь, — обещает Ардар. — Когда на Севере станет спокойней, приедем. Ты только скажи.

Я надеюсь, он понимает — это никогда не случится. У меня нет причин тосковать по Югу. Все закончилось вчера, когда мать встала на пороге, живая и невредимая.

Ардар выходит первым, я за ним, притворяя дверь.

— Завела новых друзей, Кошка? — снисходительно спрашивает он, встав вполоборота. Я рвано выдыхаю. Проклятье.

Туман. Он стоит в десяти метрах от дома, скрестив руки на груди, позади него конь и Смерть. Но Смерть мне только мерещится.

— Не трогай его, он мне не друг и не враг, — хрипло, натужно, на едином выдохе говорю я, уповая лишь на то, что Ардар не хотел ссориться сразу. Мы оба помним тело, пригвожденное к стволу дерева восемью ножами. — Дашь поговорить?

— О чем?

— Объясню, что дальше идти за мной не имеет смысла.

— Ну, объясни, — разрешает Ардар, пропуская вперед.

Я иду мимо встревоженной матери, других мужчин и женщин, приехавших вместе с Ардаром, и останавливаюсь. Туман хмурит брови, и черные глаза темны как никогда.

— Я могу тебя забрать, — тихо произносит он. В голосе нет и тени обиды на мои жестокие, откровенные слова.

— Не можешь.

— Он ничего тебе не сделает. — Туман настойчиво прикасается к моей щеке ладонью, и я зло отрываю ее, словно вместе с собственной кожей, потому что лицо начинает гореть в том месте.

— Зато убьет тебя.

— Я рискну. — Туман стискивает зубы, скулы проявляются отчетливее. Он сжимает мою руку, не собираясь отпускать. Спиной чувствуя напряженный взгляд Ардара и утекающие секунды, я пытаюсь, изо всех сил пытаюсь, оставаться разумной и отстраненной. Туман берет меня за другую руку, готовый закрыть собой от беды, посадить на коня и отправить прочь, задержав Ардара любой ценой.

— Ты любишь меня, Волк?

— Если мы говорим о том, что волк может понять.

И закусив губу я улыбаюсь, смотрю в его темные как беззвездное ночное небо глаза. Я зову ее, обещая сделку, и она приходит. Появляется за спиной и позади Тумана, справа и слева, повсюду. Но я продолжаю смотреть ему в лицо.

«Я…»

«Я знаю, кто ты. Та, что говорит только с Забвением. О чем ты просишь?»

«О нелюбви ко мне для этого человека.»

«Глупая. Ты получила лучший из даров безвозмездно и желаешь отказаться. Пусть. Пусть будет так. Но…» — она умолкает, и я жду вечность и немного дольше, боясь, что она попросит невозможное, как отказаться от ненависти к Ардару: «Его любовь вернется, когда Смерть коснется твоей души. Согласна?»

«Да…»

Я соглашаюсь с легким сердцем, у которого-то и была одна попытка.

Сделка совершается, Любовь растворяется в воздухе, и я вижу, как она уходит из его глаз. Что она была там уже тогда, когда я впервые взяла его за руку, считая это знамением. Когда он смотрел сквозь огонь. Когда увез меня к Иаро и бинтовал рану. Когда пошел со мной по пеплу. Любовь была в его взгляде, голосе, руках, а теперь она исчезает медленно и неумолимо.

Внутри все горит, жжет, плавится. Но боль уйдет, я все еще к ней терпелива.

— Уезжай, Волк, — сухой, скрипучий голос, дрожащие руки и сердце, стучащее в горле, остаются со мной. — Нет толку от споров. Я возвращаюсь к девочкам, к семье, а тебе стоит ехать домой. Ты не обязан меня спасать. Береги свое священное озеро.

Без слов он растерянно отпускает мои руки, отступает назад, и я, взглянув в последний раз в его лицо, отворачиваюсь.

Ардар ждет там же, где и стоял, и мне сложно совладать с собою. Туман не уедет прежде меня, он до последнего будет ждать, что я позову, попрошу помочь. И я хочу.

Я прячу кулаки в карманах куртки и делаю шаг. Мне вспоминается, как трудно было уходить от еще маленьких девочек, оставляя их на Севере в окружении людей, которым нельзя довериться, и сейчас не легче. Еще шаг и я буквально чувствую, как колет в груди.

Хорошо. Ладно. Справлюсь.

Сделав глубокий вдох и расправив плечи, я прохожу к лошадям у крыльца.

— Кланяться будешь? — довольно спрашивает Ардар, приближаясь. — Наш вот этот.

Положив руку на морду коня, я закрываю глаза, опускаю голову, даю к себе привыкнуть. Черная боль притупляется, будто животное берет ее часть на себя. Я поднимаю веки и шепчу «Спасибо» на древнем языке.

Мать срывается с места, бросается ко мне, едва не падает на колени. Пытается обнять.

— Если бы я знала, моя девочка, если бы я только знала. Прости меня!

— Не выучилась я прощать. — Высвобождаясь из неприятных рук, забираюсь на коня и смотрю на Ардара.

— За нее просить не будешь?

— А разве она не откупилась?

— Откупилась, — кивает Ардар и, оттолкнув мать в сторону, запрыгивает в седло. — За мной, — командует он остальным и пускает коня трусцой.

Туман остается позади. Мое сердце остается с ним. Тоска поедает меня вместе с ненавистью так, что в груди вот-вот зазияет дыра.

Кала отзывается тревогой.

«Все хорошо», — мне хочется успокоить ее, нам потребуется не один день, чтобы привыкнуть к новой болевой точке и вернувшемуся страху. — «Я еду к вам».

«Нашла?» — спрашивает она.

«Нашел».

Кала умолкает. В ее языке нет слов сочувствия, Боги не сопереживают.

«Мать как-то позвала его, что думаешь?» — я сосредотачиваюсь на насущном, отметая в сторону уныние, откладывая на потом. Настанет ночь, в которую я буду мечтать о встрече со Смертью, может быть, даже в нынешнюю, но сейчас надо думать о важном.

«Ветер», — коротко отвечает Кала, не удивившись упоминанию матери, которая должна быть мертва.

«Я была там всего день. Как он успел?»

«Она услышала раньше».

Не получается. Прошлым утром Туман нашел меня недалеко от города, до того я была в Парсоне. Разобрать на таком расстоянии незнакомый голос невозможно, а мой голос мама не смогла бы узнать после стольких лет. В дороге мы ехали молча. Выходит, не могла она знать заранее.

Или могла? Как-то ведь случилось.

Сколько дней потребовалось Ардару, чтобы прибыть сюда? Нужна декада, всего декада на обратный путь. Север он наверняка покинул раньше, еще до того, как мы вошли в тихие земли, значит, был где-то поблизости. Машины оставлены в Парсоне. Найти лошадей и дорогу до одинокого дома у реки — это день, добраться — половина, ну и до города — два, не больше.

А три дня назад я была в тихих землях, где Хозяйка простилась со мной и рассказала о девушке и книге.

Время путает дороги. Время важнее всех. Сколько еще его есть у девочек, прежде чем взойдет красная планета?

Если Хозяйка рассказала матери, кого отправила к ней, то разгадать тайну Жрицы с сестрами-близнецами не составит труда. Я называла имя Ардара, Птахи, говорила о Севере и клятвах. Мама тоже смотрит на ночное небо, считает дни. Дать мне уйти на Запад, означает просчитаться. Слишком много риска. Проще сказать Ардару, где меня искать, и сохранить то немногое, что есть. Мама не нашла ничего в книге и считает лучшим из возможного дождаться восхода и выбора Смерти. Потерять одну из трех, нежели всех. Сложное решение. Вынужденное.

Я никогда не смогу смириться с этим.

— О чем молчишь, Кошка? — громко спрашивает Ардар, перебивая мысль.

— Думаю, почему ты не убил ее. Вряд ли из жалости.

— Тебе было восемь. Я подумал, если ты не справишься, стоит оставить про запас твою мать. Девчонок вообще не брал в расчет, но собирался использовать их как гарант новой клятвы. Вот и все.

— Почему не взял с собой?

— Никто не хранит все золото в одном сундуке. Без нее, тобой было проще управлять.

— И как ты оценил, справляюсь ли я?

— Мы же оба живы, так? Значит, ты умница. — Ардар, не отпуская узды, кладет руку на мою ладонь в перчатке. Будь это кожа к коже, я бы не выдержала, а так терпимо, можно притвориться и не чувствовать. Мешковатая куртка защищает от случайных прикосновений спину, но я все равно сижу чуть наклонившись вперед. Ардар правит лошадью и убирает руку:

— Помнишь, когда я взял тебя в поход до Скверны? Как прахищники нацелились на тебя? Помнишь, тогда ты вернула мне сердцебиение в первый раз? Я ни на кого не променяю тебя.

Я морщусь словно от боли. Чушь, сказанная лишь для того, чтобы убедить в переменах. Смерть рассудит нас.

— Тебе неприятно, — скупо произносит Ардар и, отпустив поводья, сжимает мои волосы и тянет назад, на себя. — Уже скучаешь по своему другу? — шепчет он в ухо, а я вспоминаю, почему всегда плету косы по всей голове. Потому что я не конь, мной нельзя управлять, дернув в нужную сторону. Поза жутко неудобная, и, вздохнув, я откидываюсь, опираясь спиной на его грудь, уложив голову на плечо Ардара, слегка повернув лицо.

Он мгновенно отпускает волосы, прижимается щекой к моему лбу. Ему ли не знать — это краткий момент слабости. Я перестаю сопротивляться, бояться, вздрагивать, и Ардару только и нужно, что просто наслаждаться смирением, безропотностью. Держать меня, дотрагиваться, не ожидая резкости в ответ. Пройдет еще мгновение, и все закончится, но несколько мгновений я слаба.

— Роди мне ребенка, Кошка, — тихо просит Ардар. — Девчонку, будет своенравная и красивая, как ты.

Я усмехаюсь. Жизнь больше не делает мне таких подарков.

Если бы ты знал… Если бы я могла сказать…

— Чтобы у тебя была еще одна на замену? — ехидно спрашиваю я, выпрямляясь. — Карманная династия. Станешь жить вечно, сжигая кого-то из нас?

— Поговорим об этом позже, — Ардар уже жалеет, что поддался. Он не имеет права быть мягким перед своими людьми, им нужен непоколебимый лидер, уверенный в себе и своих решениях. Я угроза. Я мишень. Забавно.

— Ардар, — поравнявшись с нами, один из его спутников привлекает к себе внимание. Я страшусь услышать, что Туман следует за нами вопреки всему, и теперь мне не удастся его спасти. — Нужно поторопиться, чтобы дойти до города засветло. Леса здесь странные, зверя почти нет, а люди пропадают.

Ардар кивает и пришпоривает лошадь, я подаюсь сильнее вперед. Зверей полным-полно в стенах города. Они уводят случайных путников в леса и убивают, сжигают невинных девчонок и молятся глухим Богам.

Я радуюсь, что Туман отправился своей дорогой.

Когда электрический свет становится виден в густеющих сумерках, я хочу смеяться. Парсон — проклятый город, нежелающий отпускать меня. Я вспоминаю, как боялась, что Ардар придет и найдет меня здесь, а теперь мы въедем туда на коне вместе.

— Ты уверен, что останешься за стеной? — тот же парень, что и раньше, снова догоняет и пускает лошадь рядом. — Места здесь неспокойные, и Скверн буквально за горой. Может, они сами и «того»?

— Что «того»?

— Ну, берут проходящих и на корм уводят, туда. Дорога-то тупиковая, дальше только прахищники.

Я смотрю на парня и не могу припомнить его имени. Впрочем, пять лет назад он скорее всего был юнцом, который искал уважения и признания Ардара, а теперь вот достиг цели и выполняет свои обязанности прилежно. Мыслит верно. Тоже будущий лидер, как видно.

— В городе оружие сдать придется, — возражает Ардар. — А мне с ним спокойнее.

— Так, может, машины заберем и сразу поедем? В ночь.

— Поглядим. Вторую ночь в дороге тяжело придется.

— Сменять друг друга будем, остальные спать станут. Все ближе к дому завтра окажемся.

Не нравится северном парню юг, и я не нравлюсь. Видел он что-то крамольное в тоске Ардаре. Неправильное. Недолжное. Или стыдное. Чего теперь мне простить и не может, изо всех сил старается не смотреть, будто и нет меня.

— Если машины заряжены, поедем, — решает Ардар, и паренек отступает в сторону.

Север взращивает холодных, закаленных, не склонных к пустой болтовне мужчин и женщин. Девочки обязательно должны увидеть юг: травы, цветы, яркое знойное солнце. Я привезу их этим же летом. Обязательно. Другого может не быть.

К воротам Ардар не подъезжает, останавливается там, куда не достает свет ламп, спешивается, снимает меня с лошади и отдает поводья парню. Мы остаемся вдвоем, остальные заходят в город, им потребуется несколько часов, чтобы закончить все дела.

Один на один с Ардаром — испытание. Я отхожу чуть в сторону и ложусь прямо в снег, расставив в сторону руки и ноги, смотрю в небо, ожидая появления звезд.

— Огонь разводить не буду, чтобы не привлекать внимания. Замерзнешь, не отогреешься, — предупреждает он, присаживаясь рядом на корточки. Я не реагирую, пусть, какая теперь разница.

— Так где ты познакомилась с этим? С оборотной тенью? Я думал, их уже не осталось.

— Он сам меня нашел, — я не настолько глупа, чтобы рассказать о хаасовом племени. — Ты ведь никого за ним не отправил?

— А стоило? — Ардар насмешливо хмыкает. — Нагнать его на машинах будет просто.

— Не просто.

— Твоя правда, но мне бы пригодились бойцы такого вида.

— Все плохо? — я перевожу взгляд на него, спрашивая о снежных городах.

— Не хуже, чем двадцать лет назад. Тогда я начинал совсем один.

Я закрываю глаза. Север слишком набожный и пасмурный для доброты. Люди постоянно сражаются меж собой за что-то и просто так, чтобы согреться. Там даже дети злые и

мстительные. Ардар выбрал нелегкий путь, но благородный. Пожертвовать одной женщиной во имя сотен северян тоже удобное решение. Неплохое, в чем-то правильное, довольно полезное. Многое из того, что он просил у Богов, Ардар делал для людей, и, возможно, если бы не его одержимость, он растрачивал бы меня более щедро. А так бережет, дорожит.

Я вздрагиваю, когда Ардар касается моей щеки костяшками пальцев, распахиваю глаза.

— Есть хочешь? — запросто спрашивает он, убирая руку. — У нас с тобой вяленое мясо, хлеб, сахар. Ты еще любишь сахар?

— Какой у тебя план? — Я приподнимаюсь на локтях. — Вернуться, взрастить хороший урожай с моей помощью и надеяться, что людям этого хватит? У тебя уже седина в волосах, ты становишься только слабее, однажды не сможешь сражаться, и что тебе останется?

— Ты, — коротко отвечает Ардар, ничуть не уязвленный ядом. — Видишь ли, Кошка, покуда у нас нет другого дома, кроме Севера, я буду бороться за его будущее. Многие помнят, как слаб был народ, и ценят настоящее.

— Тогда почему…

— Почему есть противники? Не все одинаковы. Кое-кому не дает покоя моя власть.

— Ничего нового. Почему сейчас?

— Думаешь, я скажу, что это из-за тебя? Нет, Кошка, твой побег не сделал меня слабым в глазах людей, и глупцом меня никто не считал, некоторые сочувствовали. А сейчас… — Ардар присаживается на одно колено, — провидцы говорят, грядут трудные времена, будет мор, люди напуганы, амбары почти пустые, и кое-кто хочет этим воспользоваться.

— Кто?

— Я разберусь, — обещает он, роясь в сумке, и достает те самые мясо, хлеб и сахар, протягивает мне.

Провидцы — лгуны, предрекающие плохой урожай весной, войны летом и лютые морозы зимой. Некоторые верят, большинство — нет. Те, что бьют поклоны в храмах, молят Богов о знамениях, остальные живут, пережидая очередной год. Солнце всегда поднимается над горизонтом, планета все еще крутится.

Почему же в этот раз такое странное слово — мор. Жатва Смерти.

— Кто так говорит? — повторяю я, отказываясь от ужина.

— Старая Мара из Вардока сказала первой, остальные подхватили. Чего ты так переполошилась? Пусть сотрясают воздух. Ты вернешься, потрогаешь мерзлую землю, и будут хорошие всходы, народ успокоится. К зиме угля привезем. Все обойдется.

Ходили слухи, что Мара глуха и слепа, неходячая, только руки да язык работают. Большего я не знаю. Жива еще бабка.

Мор — старое слово, так говорят о днях, когда воздух был ядом, земля горела, реки иссохли, а глубокие воды поднялись огромной волной, когда умирали все от мала до велика, богатый и бедный, сильный и слабый. Мор — это когда Боги вернулись и наказали прежних людей.

Я прикусываю кончик языка, чтобы больше ничего не спрашивать.

В сумраке он молча начинает жевать мясо с хлебом. Я смотрю в сторону электрического света на стенах Парсона, страшась проверить книгу в вещах, чтобы не привлечь внимания. Пока я смирная, Ардар будет ласков, а если прознает, беда случится.

— Она тебя позвала?

— Мать твоя? — лениво уточняет он и, дождавшись кивка, улыбается. Не скажет.

— Как она передала? Между вами что-то осталось? Особая связь? Покусала? — иронично подсказываю я, думая обо мне и Кале, след зубов, оставленный на плече, начинает чесаться.

— Ты как не в себе, Кошка. Зря ты сдружилась с этим, с оборотной тенью, они ж почти звери.

Кровью как-то связала, чтобы он мог позвать, если я не справлюсь.

Но вот Хозяйка не могла ничего передать матери, тихие земли потому и тихие, там нет голосов в ветре. Хотя она могла пойти следом за нами, добраться до штольни.

А потом я решаю, что это неважно. Ардар в метре от меня и никуда не денется. Вот и все.

Когда ворота Парсона открываются, выпускают три машины, я поднимаюсь на ноги, стряхиваю снег и иду к дороге.

Пусть. Все хорошо. Я попыталась. Не вышло. Так бывает.

Глава 2.

За ночь я ни разу не просыпаюсь и не знаю, были ли остановки, но с восходом, когда солнце падает на лицо, открываю глаза и больше не могу уснуть. За будто закопченным боковым стеклом тянутся степи, а в переднее бьет утренний свет. Ардар правит машиной легко и уверенно, на заднем ряду сидят двое: мужчина и женщина, они еще спят.

— Остановить? — спрашивает Ардар, стоит мне пошевелиться, я киваю. Тело затекло, и отчего-то жутко болит голова. Машина плавно останавливается, пропуская две другие вперед, и я, щелкнув замком на двери, выскакиваю наружу. Холодный воздух будоражит. Редкие деревья и кусты гнутся под порывами ветра. Я запахиваю куртку плотнее и, не расправляя пальцы, убираю руки в карманы. Древние не отзовутся, даже проверять не стану.

Я отступаю чуть в сторону, разминаю ноги, плечи. Пытаюсь понять, где нахожусь.

— Далеко не уходи, — командует Ардар, выйдя наружу следом. Я снова киваю.

Вернувшись, сажусь на свое место, машина трогается и постепенно нагоняет остальные. Ардар не настаивает на беседе, он лишь держит меня за руку, легонько поглаживая пальцами. Приручает. Так уже было. Я помню все его ходы и попытки: окружать, быть повсюду, начинать с малого. Он дает привыкнуть, прежде чем окунуть в свою любовь и утопить в ней, лишив воздуха.

Как бы то ни было, через девять дней я увижу девочек. Пытаясь развлечь себя и не дать мыслям вернуться к Туману, я представляю, какими они выросли, что изменилось, а что осталось прежним. Что Лин наверняка обзавелась завистниками и недоброжелателями со своим склочным характером, который, должно быть, становится только хуже с каждым годом, а Тиа неизменно пытается сгладить это улыбками, бесконечным пониманием и никогда не спорит.

Я не скажу девочкам о подлости родной матери. Пусть живут с ее светлым образом, моими воспоминаниями, что передались им через рассказы. Так будет правильнее. А еще пришла пора поведать о жатве Смерти и доле близнецов. Уже взрослые. Поймут. Мать рассказала мне в восемь лет, сразу после их рождения.

Через пару часов Ардар будит мужчину в заднем ряду и меняется с ним местами. Меня он с собой не тянет, давая возможность еще немного насладиться якобы свободой или очароваться его благородством и терпеливостью. Мне скучно искать в его поступках истинный смысл. Все равно рано или поздно настоящая натура Арадара возьмет свое и меня.

Незаметно для мужчины за рулем я проверяю книгу в сумке и расслабленно выдыхаю.

Хорошо. Ладно.

Новые обстоятельства — новые цели. Пока мне дана единственная дорога, и я не стану бездействовать, когда доберемся. Нужно изучить книгу, переговорить со старой Марой, можно попробовать пройти тихие земли на Севере. Если окажется, что там тоже есть хранительница вроде Хозяйки и книги, то это увеличит мои шансы. Но делать трещины глубиной с бездну больше не придется, я пошлю слова химерам вместе с ветром и Калой. Да, пожалуй, так и поступлю. Только нужно найти способ освободиться от Ардара хоть на пару дней, потому как ему дороги в тихие земли нет.

После полудня все три машины останавливаются на короткий обед. Мужчины забавы ради затевают драку, чтобы размяться, те, что поспокойнее, проверяют огненное оружие и лезвия ножей, Ардар у меня за спиной наблюдает за всем. По его команде люди возвращаются на места, и мы движемся дальше. В густых сумерках добираемся до стен города.

Я ступаю на дорогу только после того, как Ардар открывает дверь, дозволяя выйти. С гостевым домом не возникает проблем, комнаты предлагают тут же, вместе с ужином и вечерним досугом. Один из сопровождающих договаривается обо всем, остальные, кроме Ардара и меня, не знают языка Юга. Оглядываясь по сторонам, я оцениваю опасность новых стен, чтобы

не угодить в город, подобный Парсону. Здесь нет электрического света и другого наследия прежних людей. Прижимая к боку сумку, я следую за Ардаром шаг в шаг, пока он не берет меня за руку и не ставит рядом с собой. Учитывая новые правила, я не знаю, чего ждать ночью. Будет изображать сдержанность или станет настаивать и касаться меня? Если так, вряд ли он будет жалостлив и позволит еще раз отдать воспоминания о Птахе, чтобы совершить сделку с Забвением.

Что у меня вообще осталось от Птахи? Что я буду предлагать после? Будет ли после?

Комната, куда Ардар приводит меня, предназначена для двоих. Маленькая, полупустая и темная с тремя свечами на настенной полке и печью. Вместо четырех или шести кроватей всего одна, и меня буквально трясет от мысли о ночи. Я не выдержу, я не сдюжу.

Но через восемь дней я увижу девочек. Нужно держаться за эту мысль и гнать думы о Тумане.

— Располагайся, Кошка, — подтолкнув меня, Ардар заходит следом и закрывает дверь. Я вздрагиваю от хлопка, он замечает. — Не трясись, не трону.

Я ему не верю, но иду вперед и оставляю сумку на полу возле кровати, сверху бросаю куртку, стягиваю сапоги и, забравшись на постель, подтянув колени к груди, разминаю затекшие пальцы ног. Больше никакую одежду не снимаю — иллюзия защиты слишком приятная, чтобы лишаться ее. Бегло переплетаю растрепавшиеся волосы.

Ардар недоволен. Наблюдая за мной, он останавливается напротив окна и сверлит неотрывным тяжелым взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Будто только теперь решает, что делать дальше. Я стараюсь не смотреть на него, не провоцировать, сделаться незаметной, маленькой.

— Не волнуйся. Не сбегу, — пытаясь копировать его интонацию, излишне спокойно произношу я и поджимаю под себя скрещенные ноги.

— Не то, Кошка, не угадала. — Скупо улыбнувшись, Ардар отворачивается. Тоже сбрасывает куртку и обувь, отшвыривает вещи в сторону, помедлив, снимает еще и рубашку. Я жмурюсь, но через мгновение заставляю себя открыть глаза. Нельзя быть слабой.

Ардар сводит лопатки, поднимает руки вверх, лениво потягивается, и оттого, что все его движения медлительные, неспешные, мне хочется кричать, забиться в угол, под кровать и спрятаться словно ребенку, замереть, не дышать. Вся спина и плечи Ардара в шрамах от боевых ран — память об объединении северных племен и побежденных врагах, часть рубцов появилась от когтей ниад, пока он закрывал меня собой. Все эти шрамы остались бы и на моем теле, потому что есть клятва, но мою кожу исцеляет вода. Я смотрю на руку, где Туман оставил свой знак — чуть розоватый след от лезвия. Лучший подарок, который никто не сможет отнять, я никогда не потеряю его. Шрам всегда будет со мной. Как и другой, оставленный Ардаром.

Я бездумно касаюсь живота, и желание спрятаться становится почти непреодолимым.

Нельзя — напоминаю я себе и снова смотрю на Ардара. Жду. Он все еще стоит спиной, что-то высматривает в окне и, глубоко вздохнув, произносит:

— Ну вот что, Кошка, мне нужна одна сделка с Богами.

— Что ты хочешь?

Он подходит к кровати, садится напротив меня и протягивает руки ладонями вверх. Ардар дожидается, пока я придвинусь ближе, положу пальцы на его запястья и взгляну в глаза. Он уже все решил, но не спешит, просто глядит на меня. Что-то в его взгляде пугает, от него холодно, я предчувствую беду, чую нутром.

— Чтобы ты забыла, что я убил твоего ребенка, — быстро произносит он.

Я дергаюсь, чтобы убрать руки, разорвать круг, но Ардар крепко сжимает их, удерживая на месте, не оставляя мне шанса. Потому что сделка не завершена, пока смотрит он. Я ощущаю жгучую ядовитую ярость, которая питает меня многие годы. Уничтожить воспоминания о той ночи, что является мне в каждом кошмаре, означает лишить меня причин чувствовать нена-

вись, и Ардар получит полную власть, безграничную преданность, безусловную покорность. Он лишит меня причин боятся его, таиться. Я забуду, кто мой враг, и теперь, когда известно, что мать жива, он найдет способ убедить меня в том, что нет места надежнее и безопаснее чем рядом с ним. А Забвение уже отзывается на его просьбу, отвечает, сообщая цену. На редкость честный обмен.

И я улыбаюсь:

— Взамен ты забудешь о своем сыне.

Ардар стискивает мои руки так, что хрустят кости, но я продолжаю смеяться ему в лицо, не чувствуя боли. Он молчит, его губы подрагивают от злости, на лбу бьется жила. Со свистом втягивая воздух, он не моргая смотрит на меня. Жалкий.

— Так ты хотел все исправить?

— А если я скажу, что она жива? — произносит Ардар, и у меня перехватывает дыхание, потому что на секунду, на короткий миг, я больше всего прочего желаю поверить в это. Боги могли бы сыграть такую шутку.

Сдерживая дрожь в пальцах, я шиплю словно змея:

— Ложь…

— Ты была в забытье. Я передал ребенка ведам, и они выходили ее, а когда через месяц ты пришла в себя, она была уже в другом городе, в другой семье.

— Ложь… Когда ты бросил ее в костер… это была не твоя жертва, а моя. И с тех пор внутри, там, где была она, всегда… горит… огонь. — И я пускаю жар по венам, прямо в руки Ардара, в его грудь, разум, убивая и себя. Пламя выжигает воздух, боль врезается в кости, в глазах абсолютная вспышка света, она ослепляет. Ардар, спасая нас обоих, валится на кровать, хватаясь за голову, а я вскакиваю на ноги, едва не падаю, все расплывается. Сжимаю горячие ладони в кулаки, чтобы убрать все звуки. Воздух выгорает вокруг.

Дыши. Просто дыши. Это уйдет.

— Таков был план? — Пытаясь совладать с дыханием, я складываю ладони на груди. — Показать какую-то девочку и сказать, что она моя?

— Ладно, Кошка… — Тяжело вздохнув, Ардар садится на кровати, опустошенный и разочарованный, с такой же болью как у меня. Он не отступится. — Ты не оставляешь мне выбора. Мы заключим эту сделку, как только я буду готов. — Ардар поднимается и выходит из комнаты.

— Я защищаю тебя, — шепчу вдогонку, прежде чем захлопывается дверь, и жгучая боль возрастает, перетекая в меня из Ардара, а вечность спустя сходит на нет.

Я скулю щенком и тру сухие глаза.

Последние слова Ардара значат, что он согласится забыть о погибшем в бою за Вардок сыне и я не посмею ему отказать, если не хочу лишиться разума. Таковы правила любимой игры Богов.

Искусав губы в кровь, исцарапав ногтями ладони, я мечусь из угла в угол загнанным зайцем. Надеваю сапоги и куртку, собираясь бежать, зло скидываю их, когда выясняется, что дверь заперта на ключ. Бросаюсь к окну, натыкаюсь на литые решетки.

Паскуда.

В одно мгновение все утихает: и гнев, и ярость, и ненависть; на их место приходит ясность и холодность. Трезвый ум, без горячности — это все, что у меня есть. И умение молчать.

Хорошо. Ладно.

Ардар не согласится завершить сделку этой ночью и завтра в присутствии людей тоже. Значит, до следующего города, комнаты, где мы сможем уединиться от остальных, у меня есть возможность что-нибудь придумать. Только что?

Я сползаю по стене, сажусь на пол, обнимаю колени руками и, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, ищу спасение. Запад, Запад был единственным выходом, и, проклятье, надо

же мне было поверить Хозяйке и пойти за этой демоновой книгой. Запретив себе переживать о том, чего уже не изменить, я смотрю на сумку у кровати. Книга внутри — как хомут на шее, медленно затягивающаяся петля. В ней же может оказаться то самое единственно верное решение.

Сейчас прочесть невозможно, потом будет поздно.

Возвращается Ардар с разбитой бровью и кулаками, вымещал злость в драке. Он садится на полу у двери, и долгие часы мы зверем смотрим друг на друга, пока не рассветает. Снаружи доносятся голоса людей, мычание недоеных коров, звуки шагов. Холодное зимнее солнце освещает окно, и в комнате, где давным-давно потухли свечи, серые вещи обретают цвет.

Я знаю, что не позволю Ардару изменить меня. Выдрать воспоминания о той ночи — переломать и перестроить весь разум. Годы и годы я училась жить с этим, и потерять ориентир, отправную точку — значит заблудиться.

Я ненавижу об этом вспоминать, но забывать не намерена.

Ардар поднимается и открывает дверь, он проходит к куче своей одежды, а я, подхватив вещи, выбираюсь в коридор, спускаюсь вниз по лестнице в общую залу и только на последней ступеньке сажусь, чтобы надеть сапоги. Куртку я набрасываю в тот же момент, когда выскакиваю на улицу, и натыкаюсь на женщину. Ее лицо знакомо, она приехала с Ардаром, но я встречала ее раньше, на Севере.

— Придется подождать, — коротко произносит она, намекая, что никуда уйти не получится.

Мороз щиплет щеки и руки, я торопливо достаю перчатки и поправляю сумку на плече, проверяя книгу.

— Я думала, у тебя получится, — неожиданно произносит она, глядя куда-то вдаль. — Не помнишь? Мы встретились, пять лет назад, когда ты рванула через стены в темный ночной лес. Я тебя поймала и спросила: «Бежишь?». А ты только глаза таращила, драться собиралась.

— Беги быстрее, — тихо договариваю я, вспомнив. Едва ли не единственный раз, когда человек Севера проявил милосердие. А сейчас она не даст мне уйти. Переменилась.

— Ты людей тогда убила. Пять лет одна выживала, сглупила и потому попалась. Твою бы волю да в нужное русло, а то как бурная река, вышедшая из берегов, только разруху за собой оставляешь.

— Твой непререкаемый лидер уничтожил больше моего.

— Народ Севера голодный, только силу понимает, позволь им снова решать самим, и от городов ничего не останется. Ардар суровый, иначе никак. Но справедливый. А тебя, по-хорошему, наказать надо. Сейчас он всего лишь злой, Боги знают, что его сдерживает, но лютость никуда не исчезла, потому не береди раны, перетерпи. Он тебя искал по всему миру и теперь не отпустит. Чудо, что не привязал.

Люди на его стороне, в их глазах исчадие демонов — я. Интересно, что они станут делать, если мы с Ардаром сцепимся у всех на виду? До сих пор он не позволял ни себе, ни мне излишних эмоций, один всплеск, который выпал на долю моей матери, не в счет. Люди всегда остаются по ту сторону комнат и стен, а я должна быть единственной, кому дано видеть истинную натуру.

Ардар выходит через пару минут.

— Идите в машину, — сухо бросает он, оглядываясь по сторонам, машет остальным, знаменуя отправление. По крайней мере, Ардар не пытается дотронуться до меня, это дает передышку.

В этот раз я пользуюсь возможностью и злостью Ардара, чтобы занять место в третьем ряду сидений в машине. Здесь ужасно трясет, и если машина слетит с обрыва, то на ходу выбраться отсюда почти невозможно, зато Ардар не сможет оказаться рядом, потому что сзади не видно дороги. А ему нужно быть направляющим. И плохо, и хорошо.

— Смирись, — плавно оборачиваясь ко мне, женщина тем не менее зорко следит, чтобы ее слова не услышал кто-либо другой. — Когда тебя ребенком привезли к нам, оторвав от дома, я жалела тебя. Когда ты сбежала и так и не вернулась за своими сестрами — нет. Мне казалось, что Ардар неправ, удерживая тебя, а ты, оказывается, этого заслуживала. Ты, как и северный народ, только силу понимаешь. Добром и лаской с тобой не справиться. А еще глупая. Упрямая. Ардар — великий человек, он спас сотни жизней, а ты отворачиваешься, будто перед тобой туша гниющая лежит. Смирись. Заслужить не сумеешь. И за что только Боги тебе такую милость даровали…

Я слушаю молча. Я умею терпеть.

В машину садятся Ардар и тот молодой парнишка, что подозревал парсонцев, оба впереди. Я разваливаюсь на сидение, чтобы вздремнуть, бессонные ночи изматывают. Снимаю куртку, подкладываю под спину и голову, сумку кладу под ноги. Ардар оглядывается, проверяя, и трогается с места. Машина дергается, меня начинает качать в такт, сделка с Забвением еще имеет силу, и я легко засыпаю.

Звуки возвращаются, слышны ленивые разговоры, сейчас обеденный привал, потому машина стоит и никого внутри нет. Сапогом проверяю сумку и, нащупав книгу, поправляю куртку под головой. Сон, как всегда, помогает успокоиться и начать думать.

При том что я показала Ардару одну из своих глубоких тайн, которую он обязательно придумает, как использовать себе во благо или против меня, есть один удивительный момент. Огонь отозвался. Древние злятся, стоит лишь прикоснуться к наследию прежних людей и их механизмам, и всегда требуют выплачивать покаяние кровью, а огонь отозвался.

Растерянная, я выбираюсь из машины, прихватив сумку, и, не приближаясь к остальным, наоборот, отдаляясь, снимаю перчатки и расправляю пальцы. Ничего. Ветер молчит и только гудит в ушах. Я проверяю огонь и снова ощущаю, как он откликается на призыв. Оглянувшись по сторонам и заметив на себе только внимательный взгляд Ардара, пригибаюсь к земле и кладу руку на почву. Сквозь дрожь в пальцах, я чувствую: далеко на Севере Кала ступает по двору. Я беру камень в руку и поглаживаю гладкий холодный бок. Думаю. Пытаюсь понять. Моих знаний не хватает.

— Ты остыла, Кошка? — со смешком произносит Ардар, опускаясь на корточки совсем рядом. Осмелел. — И теперь будешь молчать, пока не придумаешь, как помешать мне. Да? Каждое слово может быть опасно, — продолжая усмехаться, Ардар забирает камень и отбрасывает в сторону. Я искоса гляжу на него, ожидая продолжения. — Должен сказать, что вчера ты застала меня врасплох. Не был готов. План был действительно такой. Девчонка привязала бы тебя к Северу, как и сестры поначалу. Ты же ушла, когда они стали достаточно взрослыми, а до тех пор не решалась. Но раз уж обмануть тебя не получится, нам обоим придется свыкнуться с грядущими переменами, — его голос наполнен не тщеславием и предвкушением победы, он тоже готовится утратить значительную часть себя. Бедняга, так отчаянно пытающийся осчастливить меня насильно.

— Но вот что, Кошка, — Ардар становится вдумчивым и смотрит куда-то вдаль, — тебе придется заговорить и объяснить, как именно горит твой огонь? Что ты можешь, что нет, влияет ли это на тебя. Потому что я собираюсь изменить маршрут, мы поедем на Восток, и ты попробуешь успокоить вулканы.

— Как ты объяснишь им? — Я киваю в сторону остальных, голос звучит хрипло от долгого молчания и скребет горло.

— Объясни сначала мне, — устало произносит Ардар, потирая покрасневшие от бессонной ночи глаза. — С остальным я разберусь как-нибудь.

— Их тоже можно заставить забыть. — Не сдержавшись, едко улыбаюсь я.

— Можно, — не замечая моей колкости, соглашается он. — Говори.

— Я знаю, что огонь может гореть внутри, не причиняя вреда, может перетечь в другого человека, убить его и может согревать воздух вокруг меня. Могу ли я погасить вулканы, мне неизвестно.

— Тебе это вредит?

Я пожимаю плечами. Пока не замечала. Ардар кивает. Решено.

— Иди поешь, — предлагает он, поднимаясь первым и не делая попыток помочь. Есть шанс, что у меня больше чем один день до сделки с Забвением. Кто знает, если лишить меня воспоминаний о ребенке, жертва перестанет быть значимой. Ардар может придержать свои желания, если это пойдет на пользу народу. А новые земли Востока, пусть и не пахотные, — настоящее богатство. Природа восстановится за несколько оборотов солнца, ветер занесет новые семена, вода поднимется из расщелин, придут птицы и звери. Народ Севера окажется полностью спасен от вымирания и голода. А если огонь изжег почву слишком сильно, то там можно добывать металлы и собирать энергию солнца для механизмов прежних людей.

Я снова касаюсь земли. Далеко отсюда бредет Туман по лесу, ведя за собой коня. Он идет домой.

Я улыбаюсь, пусть и горько.

Отогнав образ Тумана и вернувшись к мыслям о Древних, я понимаю, что знаю ничтожно мало, хотя раньше казалось, достаточно. По сравнению с погибшей Мираной — одно, с Хозяйкой и матерью — другое. Я не понимаю, почему огонь и земля не разгневаны, а воздух — да. Мне кажется, так не должно быть. Древние всегда едины. Именно поэтому им так легко удалось проучить прежних людей, показав, кто на самом деле главный на планете.

Оглянувшись и не заметив никакого источника поблизости, я не могу проверить воду. Что это прояснит? Ничего.

Глубоко вздохнув, я поднимаюсь, подхожу к остальным, беру флягу и залпом выпиваю. Горло, саднившее от сухости, успокаивается. Вроде это первый раз после расставания с Туманом, когда я принимаю что-то из воды или еды от Ардара. Вручив пустую флягу женщине рядом, возвращаюсь в машину и устраиваюсь на прежнее место, но спать больше не собираюсь.

Если Ардар собирается ехать на Восток, дорога станет длиннее и встреча с девочками отложится на несколько дней. Как и сделка с Забвением. И плохо, и хорошо.

До следующего города мы добираемся уже после захода солнца. Обычные стены, ворота, торговые ряды и гостевой дом. Ардар снова подбирает для нас комнату на двоих, но в этот раз он просто запирает дверь и ложится спать. Я отсиживаюсь в дальнем углу.

День после ничем не отличается от предыдущего. Я по-прежнему много думаю и сплю. От города к городу. Путь становится унылым и однообразным, все больше снега и наледи. Люди устают, но не жалуются, Ардар заразил их идеей исследовать Восток. Отдавая ему должное, как лидер, новатор и предводитель он хорош.

В одном из последних городов особенно заметно меняется язык, звучат иначе слова, появляются новые. Слишком далеко от центральных и южных городов, диалект становится другим. Иные традиции и обычаи. Договариваться с местными жителями все сложнее и сложнее. Ардар собирает всех в общей зале очередного гостевого дома, где обсуждает план на языке северного народа, чем привлекает к себе пристальное внимание.

— Судя по карте, дальше только один город, а потом через несколько сотен километров проходит граница, поэтому в последнюю остановку необходимо пополнить запасы, особенно провизии. Нужно готовиться ко всему. Дорога в сторону границы не идет, так что нам предстоит двигаться по ямам и холмам, держась подальше от лесов. От этой черты, — Ардар ведет пальцем по карте, — начинается постепенное вымирание растений и животных. Судя по разговорам местных, что-то не так с почвой.

Я едва не хмыкаю, где-то такое уже было.

— Вряд ли в глубине восточных земель лежит снег, скорее, пепел и камни. Небольшая группа останется там, где придется бросить машины, я думаю, далеко мы на них не проедем. Основная часть отправится вместе со мной вглубь. Берем все оружие, что имеем, если там в постоянном огне и дыму выжили звери, легко с ними не справиться. На случай плохой видимости необходима веревка, обвяжемся ею и никого не потеряем. И еще нужны тканевые маски на лицо и очки, если не сможем найти, придется изготовить самим. Будут другие идеи, я готов выслушать, а пока отправляйтесь отдыхать. Не ты, — одергивает Ардар, стоит мне подняться вместе со всеми, — останься.

Я удивлено приподнимаю брови. Здесь?

— Не надоело молчать? Не забыла, как разговаривать? — раздраженно произносит он, складывая карту. Я скрещиваю руки на груди, мимоходом проверяя сумку под курткой. Не все вопросы требуют моих ответов. Ардар откидывается на спинку стула и, тяжело вздохнув, с тоской смотрит на меня. Он разочарован, его план провалился, мечты не сбываются, и приходится оставаться вечно думающим и рассудительным, выше своих желаний и эмоций. Заполучить меня обратно оказалось не таким счастьем, как представлялось.

— Что? Думаешь, не готов ли я отступиться и сдаться, раз уж ты такая упрямая? Нет, Кошка, я не ждал, что будет просто. Некоторые дополнительные сложности ничего не меняют. Ты останешься со мной.

Холодная решимость — вот что нас объединяет. Ардар будет ломать под себя до последнего, я буду стоять на своем вопреки всему, пока девочки ходят по земле. Эта война не закончится победой. Ни моей, ни его. Разве он не понимает? Почему мы оба не поняли этого раньше...

— Ты не устаешь быть такой, Кошка? Разве не будет легче, если ты станешь хоть немного доверять мне? Я не сделаю ничего, что навредит тебе или твоим сестрам.

— Кроме того, что уже сделал? — тихо спрашиваю я, удивляясь собственной глупости. Не стоит дразнить его, провоцировать. Ардар бьет рукой по столу, поднимается и протягивает мне ладонь. Я не хочу к нему прикасаться, когда есть выбор, и потому жду с внимательной осторожностью, что последует дальше. Ардар качает головой, прикрыв глаза, и указывает на дверь, ведущую наружу. Друг за другом мы выходим из гостевого дома.

Ночь приятно морозная и звездная. Холод цепляется за щеки и нос, пальцы, уши, остужает мысли, которые горячи всю декаду, что я с Ардаром. Я смотрю наверх, выискивая красную планету на небосклоне, и не нахожу. Оглядываюсь на него.

— Пойдем прогуляемся, — предлагает Ардар, я пожимаю плечами. Без причины? Вдвоем? Странно. — Не удивляйся так сильно, — подшучивает он, заметив легкое изумление на моем лице, — людям не обязательно слышать все наши беседы. Особенно когда мы будем говорить о Богах.

Хранит мою тайну тщательнее меня.

Медленно шагая по узкой дорожке, мы отходим все дальше от гостевого дома, и я успеваю подумать, что Ардар доверяет не всем своим людям, хотя в погоню за мной наверняка взял самых близких. Но среди них есть те, перед кем ему нельзя показывать слабину. В этом мы чем-то схожи.

Мне снова становится противно от себя самой, как в тот день, когда я выторговала для хаасов спасение, пообещав взамен Мирану. Она погибла, дожидаясь меня в Парсоне, а я забыла о ней, едва покинула город. Получить свое и не считаться с допустимыми потерями — главный принцип Ардара. Забрать мои воспоминания об убийстве ребенка и добиться если не любви, то преданности, — вполне в его характере. И, видимо, моем.

— Возьми, — остановившись возле большого раскидистого дерева с заснеженными ветками, Ардар оборачивается и протягивает мне нож. — Многие не одобрят оружие в твоих руках, Кошка, после того как ты убила троих при своем побеге. Они же не знают, что у тебя

огонь внутри. — Он пытается улыбнуться, но видя вопрос на моем лице, нехотя поясняет: — Земли Востока — темная территория. Что нас там может ждать — неизвестно. Если что-то произойдет, и группе придется разделится, а какая-то сила разлучит меня с тобой, Кошка, постарайся держаться Нуи или Хована, — Ардар называет тех, кто находится с нами в машине на протяжении всего пути. — И мне будет спокойнее, если у тебя при себе окажется хотя бы нож.

— Потому что парнишка с горящими глазами может попытаться меня убить? — Я припоминаю каждый злой взгляд в мою сторону, брошенный тем юнцом, начиная с Парсона и заканчивая сегодняшним вечерним сбором.

— Да, — сухо соглашается Ардар. Он не говорит «убей кого угодно, чтобы выжить», не говорит «я убью любого из них ради тебя», он отдает мне оружие, что сильнее слов. Я случайно касаюсь его руки, когда тянусь за ножом, и Ардар стискивает мои пальцы, тянет к себе и обнимает за шею, держа кулак с зажатым лезвием чуть в стороне. Он утыкается носом мне в волосы, я стараюсь не дышать его запахом, боясь тошноты.

Мое тело не мое тело.

Нежность, с которой Ардар ведет пальцами по позвонкам, вызывает отвращение, но его тактика снова срабатывает. Я уже не вздрагиваю, не шарахаюсь и не отворачиваюсь. Я привыкаю. А он опять добивается своего.

Ардар касается губами виска, и я трусливо закрываю глаза. Я бы дралась и билась. Если бы Боги слышали мольбы, я бы молилась непрестанно. Но Боги глухи, как старая Мара.

— Это последняя возможность, Кошка, поговорить. Потом всегда будет кто-то рядом. Ты думала о вулканах? — он произносит каждое слово, не отрываясь от меня. — Что мы станем делать с огнем? У тебя получится?

— Да, — я киваю, чтобы хоть на мгновение перестать чувствовать его губы. — Думаю, придется еще потрогать и землю.

— Хорошо. — Ардар отпускает, оставляя в моей руке нож. — Я в тебя верю, Кошка, — напоследок бросает он и отправляется в обратный путь до гостевого дома, без раздумий повернувшись ко мне спиной.

Не будь клятвы, ты бы верил мне меньше. И лезвие, что ты доверчиво отдал, оказалось бы по рукоять в твоей груди, прямо в сердце. Без раздумий.

Книга, спрятанная под вещами в сумке, тяжелее с каждым днем. Чем дольше я не могу ее прочесть, тем глубже погружаюсь в безнадежность. День ото дня я привыкаю к мысли, что могу не успеть и не спасу ни себя, ни девочек. Что будет с Ардаром после того, как Смерть заберет меня, не имеет значения. Любое воспоминание и чувство можно стереть из его разума очередной сделкой. Именно это он собирается сотворить со мной. Я сделала это с Туманом.

— Кошка, — зовет Ардар, и приходится догонять.

А ночь, смурная, мрачная, душная, дается сложнее пыток палача хаасов.

Я не могу укрыться от мутных мыслей, мучающих и истязающих. Я мечусь от полного уныния до безрассудной решимости, оставаясь неподвижной. Взгляд, направленный на спящего Ардара, — невидящий. Я устала. Моих сил не хватает, все что было сделано за двенадцать лет в плену Ардара, за годы скитаний и поисков, все кануло в пустоту. Мне больно от разлуки с девочками, с Туманом, Калой, хочется пощады, хотя бы мимолетной встречи с ними. Внутри, где отравленное ненавистью сердце должно быть спокойным камнем, — бойня между мной и мной.

Нельзя сдаваться. Соберись.

В натопленной комнате жарко и совсем нет воздуха. Я поднимаюсь с пола и скольжу к окну, распахиваю деревянные ставни внутрь, натыкаясь на кованные решетки. Мороз обнимает крепким хватом, в одно мгновение выбивая дух. Синий звездный свет смешивается с мерца-

ющим огнем свечей, успокаивая растревоженные чувства. И стремительно втягивая воздух, я чувствую, как от холода слипаются ноздри. Оглядываюсь на Ардара, он все еще спит.

Найди силы, возьми у земли, раз она отзывается, но не смей сдаваться. У девочек нет другой защиты.

Я тихо зову Калу, и она сонно откликается, чувствует раздрай и наверняка шевелит ушами.

«Помоги», — и место укуса зудит, знаменуя ее готовность ворваться и сражаться за меня. — «Подскажи мне».

«Ты идешь сюда. В семью. Ты умеешь сражаться за них».

«Ничего не получилось. У меня есть книга, которую нельзя прочесть, у меня в руках огонь, которым нельзя убить. Я не знаю, как освободиться».

«Знаешь», — не соглашается Кала. — «Не хочешь».

Я сквернословлю сквозь зубы. Не хочу? Не хочу? Не хочу становится зверем? Передать клятву Смерти, а потом убить Ардара вместе с ни в чем не повинной женщиной лишь потому, что так нужно мне? Не тот выбор, который я сделаю с легкостью.

«Ищи другой. Всегда есть другой», — убеждает Кала. Тысячелетняя мудрость ничуть не помогает. Есть ли у меня годы для поисков?

«В книгах?»

«В себе».

Во мне ничего нет, кроме ярости и тупого упрямства! Что можно найти в таком пустом, выжженном нутре? Но Кала права, способ есть, он есть, другое дело, что воспользоваться им нет никакой возможности. Должно быть что-то еще.

Ардар ведет рукой по кровати, тут же просыпается и, резко подскочив, озирается. Найдя меня у окна, он заметно расслабляется. Он страдал все эти годы, маялся, тосковал, терял сон в пустой постели, искал, скитался, рисковал, но не останавливался. Во мне нет жалости к нему, только ненависть. Я не отдам воспоминания.

— Что, Кошка, придумала, как меня обхитрить?

— Почти, — мой голос звучит довольно уверенно.

— Не сомневался, — Ардар откидывается на подушку и кладет руку на лоб. — Как у тебя голова не трескается — столько думать…

Я решаю искать ответ у Древних Богов и следующие два дня, до тех пор, пока мы не выдвигаемся к пограничным территория с восточными землями, пытаюсь понять, почему не все из них ждут кровавой жертвы. Естественно, ничего здравого на ум не приходит, а единственная догадка кажется слишком надуманной. Но я все равно решаю проверить ее сразу же, как получится.

Чем ближе к восточной границе, тем теплее. Снег становится серым, а слой льда на дорогах — тоньше. Машины с трудом въезжают на холмы, и расстояние, которое мы преодолеваем за день, уменьшается. Ардар старается быть невозмутимым, но мне заметны его тревожность и смятение. Карта превращается в бесполезный клочок бумаги после преодоления рубежа, а мы уходим дальше на восток.

Местность превращается в постоянные хребты и впадины, леса редеют, вокруг только низкий кустарник. Ни рек, ни озер не слышно поблизости, а вдалеке виднеется поднимающийся от вулкана дым. Машины приходится оставить вместе с небольшой группой в четыре человека согласно плану Ардара. Остальные десять, включая меня, нагрузившись сумками, готовятся к пешему походу.

— Она тоже идет? — удивляется один из воинов, буквально исходя злостью, все больше с каждым взглядом.

— Возражения? — ровно спрашивает Ардар, поправляя оружие, а получив в ответ молчание, принимается пересчитывать продукты, чтобы честно разделить между двумя группами.

На третий день пешего хода от жары я снимаю куртку. Снег давно растаял. Растительность пропала вовсе, остались только торчащие кривые палки. На привале, пока остальные отвлечены обедом, я расчищаю носком сапога землю от серой пыли и кладу руку. Ничего. Ни вибрации, ни отклика. Я осторожно постукиваю пальцами, надеясь пробудить Бога. Жидкий огонь, изливающийся из вулканов, застывает, превращаясь в камень, а камни мертвые. Пять столетий они слой за слоем покрывают землю. Я даже не коснулась ее.

Мы не встречаем ни животных, ни птиц, им попросту нечего здесь есть. Ожидание опасности от неизведанной местности уходит. Видно, что люди расслабляются и любопытничают, Ардар не журит никого, но сам продолжает быть настороже.

А следующее утро не наступает, потому что вокруг сплошной черный туман. Я несколько раз протираю глаза, думая, что это спросонья, а потом вытягиваю руку и с трудом могу разглядеть пальцы. Мне хочется смеяться звонко и заливисто, по-детски. Черный туман. Туман…

Это ли не знамение Богов.

Лучи солнца почти не проходят сквозь пелену. Не рискуя идти, чтобы не наступить на кого-то, я жду голосов других людей. Умение молчать сейчас полезнее остального. Подтянув к себе ноги, я ползком двигаюсь в сторону, пытаясь припомнить, какие места выбрали остальные. Если бежать сейчас, то нужно понять, куда. Ардар был слева, Нуя значительно дальше, больше вокруг никого.

Первый голос я слышу будто издалека, но не спешу обманываться. Туман может искажать звук. Нарастает паника, и раздается громогласный крик Ардара:

— Кошка!

Но меня больше нет. И имя у меня другое.

Решившись, я поднимаюсь на ноги, проверив книгу в сумке, и медленно, наощупь двигаюсь дальше от голосов. Это опасно. Каждый шаг — шаг в пустоту. Сцепив зубы, трясущиеся от страха, и выставив вперед руку, я ухожу прочь от Ардара, предвкушая его боль и отчаяние. Смелея с каждым мгновением, чувствуя небывалый подъем, я улыбаюсь туману.

Кажется, что бреду наугад не меньше часа, пока пелена вдруг не начинает рассеиваться. Предчувствуя беду, я замираю и делаю еще несколько медленных неуверенных шажков. Прямо под ногами обрывается земля и уходит вниз кривым свежим разломом. В глубине расщелины чернота тумана непроглядна, а на другой стороне стоит Время. Образ не скрыт дымкой, и я отчетливо вижу, как Бог улыбается мне, показывая вниз рукой.

«Ты все еще молчишь в ответ», — звучит в моей голове, и Кала тут же рычит. — «Однажды придет пора», — обещает Время.

Я заглядываю за край и ничего не вижу, кроме абсолютной темноты.

— Кошка! — зовет Ардар, шагнув за грань, где туман становится слабее. — Кошка…

Я оглядываюсь на него. Время стоит рядом, делая движения Ардара до смешного медленными.

— Кошка! Погоди. Отойди от края. Твоих рук дело? — он указывает на рассеивающийся туман. — Ребята перепугались, конечно. Стой-стой. Боги, Кошка, хочешь ненавидеть — ненавидь, оставим все, как есть. Я не стану ничего менять. Клянусь тебе, что никогда не…

Я делаю шаг назад и прыгаю.

Глава 3.

Падение в черноту всего несколько мгновений. Не знаю, что ждет меня на дне расщелины. Готовая ко встрече со Смертью. К агонии. Ко встрече с ниадами в глубинах земли, выбрав эту среди всех остальных дорог. Короткий полет вместо плена. Короткий полет в окружении черного тумана, как в объятьях моего Волка. Пусть будет так. Да простят меня девочки, если я зря доверилась Богам.

От удара о воду отнимаются ноги, выбивает весь воздух из груди, больно везде. Волна накрывает с головой, бурный поток кружит, кидает о камни, на мгновение выбрасывает наверх так, что я успеваю вдохнуть, и снова тянет вниз, в сторону, переворачивает, бросает, бьет. Вода течет слишком быстро, река глубока, я не могу добраться до дна, чтобы оттолкнуться, не получается всплыть и удержаться на поверхности. Очень быстро уходят силы. С каждым ударом я теряюсь все больше, тону, хватаю ртом воду, не видя ничего, кроме темноты.

Поток бросает меня на глыбу животом, и, оглохнув от боли, я скольжу руками по граням, пытаясь зацепиться, но вода срывает меня и снова несет, чтобы швырнуть на другой камень. Резко падаю вниз, и снова бурлящий водоворот подхватывает, крутит и выталкивает, кидает в стороны, тянет ко дну. Мало сил, мало воздуха, слишком темно. Бедро раздирает острая боль. В панике я пытаюсь держаться за воду, отпускаю и снова хватаюсь. Волна швыряет меня спиной на камень, голова трещит от удара, и я почти теряю зрение, а река продолжает безжалостно кружить и калечить. Я ничего не вижу, черный туман не дает прорваться солнечному свету.

Из последних сил я продолжаю цепляться за несуществующие выступы, окончательно потерявшись в водах, не чувствуя тела. Руки тяжелеют, но я стараюсь плыть, а не тонуть. Бесконечные валуны, удары и боль. В горле и в носу вода, не дающая вдохнуть.

Нельзя сдаваться.

Течение вновь бросает меня на камни, из чистого упрямства я хватаюсь за скользкие бугры и неожиданно удерживаюсь. Пена, брызги, сила потока едва не смывают обратно. На мгновение я приподнимаюсь на слабых руках, чтобы вдохнуть, перебираюсь дальше, выше. Глыба с рубленными гранями — единственный оплот спасения. Стискивая побелевшие пальцы на мокром выступе, я ищу опору для ног, но река без труда отбрасывает меня, с ней тяжело бороться. Вода снова заливает глаза, нос, уши, а я цепляюсь за мертвые камни.

Очередной рывок, и ладонь натыкается на пологую поверхность вместо торчащего участка скалы. Взревев, я подтягиваюсь на онемевших руках и поднимаюсь над водой больше чем наполовину, делаю еще один рывок, упираюсь ногой в ребристый каменный бок и выбираюсь из потока. Рухнув на живот, не чувствую тела, отталкиваюсь онемевшими пальцами и перекатываюсь на спину. В бедре торчит кусок, похожий на стекло, по виску стекает теплая кровь.

Я проверяю сумку — книга испорчена, после воды ее не прочесть.

Хорошо. Ладно.

Прикрываю глаза. Стекло придется оставить в ноге, так выльется меньше крови, заняться раной я сейчас не смогу, а если потеряю сознание, то погибну. Я дышу мелко, часто, рвано, больно вдохнуть полной грудью.

Вода не лечит, воде нужна жертва. А жертва может меня убить.

Нужно потерпеть.

Течение пытается достать меня брызгами от разбивающихся волн.

Но здесь безопасно. Здесь можно отдохнуть. Я пропадаю, мир исчезает в черноте тумана.

Запах Смерти буквально выдергивает из небытия. Она все-таки наконец пришла. Я с трудом открываю глаза и вижу ее. Темный силуэт в пелене. Смерть склоняется, обретая очертания, она кладет ладонь на мою холодную мокрую руку.

— Не сейчас, — произносит Время, оказываясь позади нее. Сама Жизнь смотрит на меня, жалея.

Я закрываю глаза. Почему нет? Я очень устала. Смерть нежно окутывает пустотой.

Рык Калы врывается в разум, пробуждая резко и болезненно. Я все еще здесь. Все хорошо.

Тумана больше нет, но вокруг все равно темно. Ночь. Пытаюсь приподняться на локте, избитое тело отзывается ломотой и ноющей болью, голова — гулом, но я определенно пока жива. Нога, холодная и неподвижная, почти не чувствуется, живот ужасно распух, а спина не гнется. Что-то не так с тремя пальцами на левой руке, они синие и толстые, ногти почернели.

Без лишних сомнений я выдергиваю острый кусок вулканического стекла из бедра и, закусив губу, мыча вместо крика, откидываюсь на спину. Взвыв от новой боли, перекатываюсь на бок и смотрю, как кровь стекает на камень, а волны смывают ее, забирая в реку. Теперь остается только ждать, пока Древние примут жертву и вода согласится залечить раны. Раз в несколько минут я расправляю пальцы, чтобы услышать ветер, — едва только он отзовется, это будет означать прощение. Очень долго нет ничего, кроме шума реки, а я слабею с каждым мигом. У мертвого камня не взять силы. Удерживаясь на грани сознания, я пытаюсь сесть.

Валун выступает над водой чуть меньше чем на метр, на расстоянии шага от него есть еще несколько, больше и шире. А в обе стороны, куда достает взгляд, река в объятьях высоких скал. Невесомая белая дымка, похожая на облака, обнадеживает, потому что вопреки разуму мне хочется верить, что прыжок в бездну был правильным, я выберусь, и пелена заканчивается недалеко отсюда, мне просто не видно.

Ветер приносит первые звуки, и это голоса сверху. Люди все еще блуждают в черном тумане, я не слышу Ардара, но и не чувствую его ран. Он не прыгнул следом и, вероятно, считает меня мертвой. Слышны разговоры тех, кто пытается спуститься вниз, используя веревки. Они далеко, течением меня унесло на многие километры. Ардар будет думать, что я погибла, но снова вернется к поискам, рано или поздно поняв, что клятва все еще связывает нас, а значит, я жива. Но до тех пор он будет страдать, и это хорошо.

Сделав глубокий вдох, я с трудом снимаю уцелевшие сапоги, подбираюсь к краю валуна и осторожно, так, чтобы в случае чего можно было зацепиться за соседние глыбы, крепко держась за выступы, опускаю сначала одну ногу, а потом другую в реку. Погружаюсь глубже, сопротивляясь течению и закусив губу от боли. Вода бьет по ране, вымывает кровь и тут же залечивает бедро. В мышцах появляется сила, и, поднатужившись, я упираюсь ногами в оба камня, искренне веря, что меня не смоет. Убедившись, что стою прочно, опускаю руку с выбитыми пальцами в реку и, превозмогая боль, держу, пока хватает терпения. Дотянувшись до оставленных сапог и сумки, перебрасываю их на другую глыбу и вылезаю на поверхность.

Новый камень такой же неровный и покатый, но шире. Я осторожно ложусь на него спиной и, избавившись от всех опасных травм, расслабляюсь. Сырая одежда и холод не мешают. Из последствий боя с рекой остались только гул в ушах, тупая боль в виске и онемевшие плечи. Я проваливаюсь в небытие, возвращаюсь и снова проваливаюсь. Нырнуть в воду с головой пока страшно. Из-за этих провалов у меня не получается отслеживать часы, я просыпаюсь трижды, видя солнечный свет, и не понимаю, минуло три дня или это просто беспокойный короткий сон.

Раз за разом я слушаю ветер. Ардар и его люди идут вдоль разлома, ища переход на другую сторону.

Я стараюсь меньше ворочаться, чтобы не тревожить спину и голову. Меня часто рвет водой, плохой знак.

Вся одежда, волосы, кожа мокрые от брызг. Постоянно холодно.

Ардар сдавливает мне грудь, режет живот, возвращает меня в кошмар. Забвение почему-то не отзывается. Очнувшись в очередной раз, я сажусь.

Жабры и рыбий хвост не вырастут, река не пересохнет — придется плыть. Как плыть, когда утонуть можно, шибанувшись о ближайший камень? Я не могу перебороть страх и опуститься в воду. Теперь, после принятия кровавой жертвы, возможно, волны не будут так суровы, и покалеченные части тела будут срастаться, не причиняя особой боли, но один хороший, достаточно сильный удар — и я, лишившись сознания, утону, а рядом нет Тумана, чтобы вытащить.

Проклятье…

Стараясь не трясти головой, я осматриваюсь внимательнее.

Скалы не скалы, это земля. Разлом будто совсем свежий, еще не покрытый застывшим огнем из вулканов или серой пылью, пеплом. Чем это поможет? Вырастить дерево и сплавиться на нем? Жизнь ведь дала мне такой дар в обмен на Мирану. Даже если получится, одного ствола будет недостаточно, а целый плот я собрать не смогу.

Выдохнув, я натягиваю сапоги, достаю из сумки нож и веревку, перевязываю обувь так, чтобы она не слетела. Книгу в руки не беру, не решаюсь, мне пока нельзя отчаиваться. Сдамся — не выберусь. Нож прячу обратно, а лямку сумки перекидываю через шею и плечо так же, как она и была. Надеваю куртку, несмотря на то, что мокрой она станет еще тяжелее, это немного смягчит удары. Бросив напоследок еще один взгляд, ища другой способ двигаться дальше, я медленно спускаюсь в реку, погружаюсь в воду по пояс.

Глубоко вдохнув, разжимаю пальцы. Течение моментально подхватывает тело и тащит вниз. Преодолевая страх, я больше не борюсь и позволяю потоку нести меня. Голова и спина успокаиваются от соприкосновения с водой, удары о камни вызывают только секундную боль, а после все проходит. Каждый раз выныривая на поверхность, я успеваю втянуть воздух, прежде чем опять уйду на глубину.

В какой-то момент река становится спокойнее, тише, мельче. Я держусь на плаву, несмотря на холод и усталость, не прекращая двигать руками, отталкиваясь от камней или дна. Течение делает крутой поворот, стены русла сходят на нет, и вода выносит меня на берег, а сама уходит дальше.

Хвала Богам…

На подкашивающихся ногах я выхожу на сушу, спотыкаясь о мелкие камни. Падаю на колени, упираюсь локтями в разъезжающуюся глиноподобную землю и валюсь навзничь, едва почувствовав безопасность. Шум реки теперь убаюкивает.

Ночью я просыпаюсь будто от падения и понимаю, что продрогла до костей, зубы стучат друг о друга, губы трясутся, пальцы не сгибаются, а вода достает почти до колен, набираясь в обмотанные веревкой сапоги. Ползком, как речная змея, я отодвигаюсь дальше от кромки русла и, перекатившись на спину, кладу ладонь на землю, черпая энергию, и пускаю ее огнем по венам. Становится теплее. Я снова засыпаю.

Солнце палит будто в разгаре лета, и жар будит меня. Я шевелю пересохшими губами и снова прошу помощи у земли. На карачках возвращаюсь к реке и напиваюсь вдоволь. Качаю головой из стороны в сторону, проверяя не отвалится ли она. Развожу в стороны руки, разминаю плечи, спина остается спокойной. Кости целы. Я стягиваю куртку, от которой поднимается пар, внутри она все еще сырая, снимаю рубаху и штаны с сапогами, оставляю все сушиться и практическая нагая, в нательном белье, восстанавливаюсь на берегу. Спустя несколько часов, когда жар солнца ослабевает, я одеваюсь, снова пью и, наконец решившись, разбираю сумку. Выкладываю остальные вещи на просушку. Размокшую книгу вынимаю бережно, словно новорожденного ребенка.

Кожаный переплет легко открывается, осторожно перебираю страницы. Текст не написанный, он напечатан с помощью старой машины, и чернила, видимо, чем-то закреплены, многие буквы расплылись, но прочесть еще можно. Я снова снимаю рубашку и осторожно стря-

хиваю воду, промокнув каждую из нескольких сотен страниц. С заходом солнца откладываю книгу, поставив ее на ребро так, чтобы ветер сушил листы ночью.

Утром я собираю вещи, заполняю флягу водой, напиваюсь вдоволь и, надев сапоги, поднимаюсь. Пора уходить от русла, Ардар будет искать меня у реки и, не зная сколько дней минуло с моего прыжка, я тороплюсь запутать следы. Люди, чьи голоса доносит ветер, двигаются на северо-восток, а значит, мне совсем в другую сторону. Но я опускаюсь на землю. Я хочу проверить.

Ардар может оказаться прав.

Прикасаясь ладонями к бесплодной почве, я закрываю глаза и слушаю. Далеко внизу, в недрах земли, действительно полно огня. Туда были низвергнуты ниады, когда Боги разочаровались в своем творении. Они вернулись вместе с жидким огнем, чтобы карать прежних людей. Древние позволили им подняться, а после создали тихие земли, чтобы сдерживать. Восток может быть полон ниад.

Огонь бушует в глубине планеты, и я еще не знаю, как его усмирить. Размерено и легко я поднимаю и опускаю ладони, выманивая пламя, чувствуя, как начинает дрожать земля. Река странно бурлит позади, ветер хватает за полы рубахи, дергая их в разные стороны. Огонь зажигается внутри меня, сам, будто слышит, и я вбираю его в себя через трескающуюся под руками почву. Вода выходит из берегов, обволакивает сапоги по щиколотку, просачивается меж пальцев в трещины и испаряется, превращаясь в горячий, сухой ветер.

А земля успокаивается, замирает.

Я открываю глаза. Я могу погасить вулканы.

Стряхнув грязь с ладоней, встаю и ухожу на юго-запад, определив направление по солнцу, прочь от Ардара, навстречу своей свободе.

На закате третьего дня на горизонте снова появляются растения. Я не выбрасываю пустую флягу, до снега осталось немного, там и наберу воды. Голод и сухость во рту постепенно нарастают, усталость становится постоянной, но сны мне не снятся, вероятно, те кошмары были лишь бредом. По ночам я укрываюсь курткой, огонь, впитанный из земли, все еще согревает.

С появлением снега отступает жажда, но идти становится труднее. И плохо, и хорошо.

Я пытаюсь замаскировать следы, которые оставляю за собой, чтобы Ардар не смог меня найти. Иду вслепую, без карты, как пять лет назад. Ориентируясь лишь на солнце. Когда появляются первые редкие леса, я едва не плачу от радости.

Блуждая по лесам, следя за ходом солнца, иду вперед, питаясь мерзлыми кореньями и ягодами, прячась от хищников, держа наготове нож, пью талый снег и оберегаю книгу. Поднимаюсь с рассветом, останавливаюсь в сумерках и не засыпаю, пока не взгляну на звездное небо.

Выбравшись однажды на дорогу, отступаю обратно в лес и иду вдоль, надеясь добраться до города. Перезимовать в диких местах не выйдет, голодные звери рано или поздно найдут. Завидев вдалеке стены, я наблюдаю несколько часов за воротами, внутрь заходят торговцы и ходоки, на меня не должны обратить особого внимания. Надев перчатки, скрывающие шрам на ладони, о котором Ардар теперь знает, я натягиваю на голову капюшон и вхожу.

Хорошо. Ладно. Если повезет, заночую в тепле и проснусь без инея на ресницах.

Я иду по главной улице, оглядывая торговые лавки. Мне нужна женщина, которая позволит переночевать где-нибудь в сарае и накормит за работу. Она должна быть одинока, небогата и немолода, чтобы с трудом справляться самой, но не доверять незнакомым мужчинам. Я занимаю укромный уголок и продолжаю наблюдать за людьми. Нельзя рисковать и расспрашивать, чем тише и незаметнее, тем лучше.

— Ищешь что-то особенное? — высокий паренек лет двенадцати появляется из ниоткуда и таинственно улыбается. Зазывала из местных, судя по всему, один из лучших — одет хорошо, не бродяжничает. Сытое круглое лицо и кривозубая улыбка, широко распахнутые глаза рас-

полагают к доверию. — Ты больна? Худа, бледна… — Он пожимает плечами. — Могу отвести тебя к веду, он много не возьмет.

— У меня нет золота, — коротко обрубаю я, надеясь избавиться от назойливого мальчишки.

— Ищешь работу? — Тут же переменяется он. — Есть несколько мест, где ты могла бы…

— Уйди.

Он разочарованно щелкает языком и отправляется дальше.

Я расплетаю волосы, чтобы скрыть худобу лица и поглубже прячусь в капюшоне. В сумке, кроме одежды, ножа, двух обрывков веревки и книги с флягой, есть еще пара корешков и сверток с ягодами, набранными вчера. Нож в качестве платы — слишком приметная вещь, Ардар узнает свое оружие. Книга ценна, и расплачиваться ею я не стану, да и обычному люду она покажется никчемной и испорченной. Ягоды и корни не примут.

Несмотря на то, что в прошлый раз я ушла от Ардара с гораздо меньшим багажом, сейчас не легче. Нынче зима и нет работы в полях, не набрать трав для обмена. В гостевых домах мало путешественников. В холодные времена помощь нужна ведам, число больных и умирающих больше, могильщики копают ямы чаще, а в храмах беспрестанно звучат скорбные песни. Слабых забирает Смерть, поэтому на Севере только сильные.

— Эй, — я окликаю паренька, подбираясь к нему через редеющую в сумерках толпу и, договорившись на ответную услугу, он отводит меня к веду.

— Жди здесь, — бросает, забегая в дом, на крыльце которого горит свечной фонарь. Я присаживаюсь на деревянную ступень и оглядываю двор. В дальнем углу ковыряет палкой мерзлый снег мальчик лет трех, на лысой голове вмятина, заметная настолько, что можно разглядеть в полумраке на расстоянии. Больше никого нет.

Я сбрасываю капюшон и, положив сумку на колени, нагибаюсь вперед, подперев подбородок кулаками.

Из дома выходит расстроенная женщина, окликает мальчика, но тот продолжает копать.

— Боги! — в сердцах восклицает она и, добравшись до сына, дергает его за руку, отбирает палку. Раздается плач, похожий на крик зверька, и они уходят вниз по улице, оба несчастные и в слезах. Разум мальчика не будет полноценным. Мать обезумеет в отчаянных попытках его вылечить.

Будь сказанное Ардаром правдой, мой ребенок был бы искалечен, еще не покинув меня. Ни один вед не может исцелить то, что сотворили с нами. Ни один.

— Ты в помощницы просишься? — На крыльцо выходит другая женщина, зазывала стоит у нее за спиной. — Что умеешь, знаешь?

— Травы в основном.

— Хорошо. Отвары будут на тебе. Повязки накладывать можешь?

— Научусь.

— Иди давай, — она прогоняет парнишку, мне же указывает на дом. — А ты входи. На рассвете мне нужно три ведра чистой горячей воды. Колодец с другой стороны двора, печь в дальней комнате. Платить не буду, спи и ешь, на этом все.

Я киваю — именно то, что мне нужно.

Моя новая кровать — настил из досок, накрытый ватным одеялом. Маленькая каморка хорошо протоплена, а каменный дом не пропускает холода внутрь. Сняв куртку и сапоги, оставив перчатки, я укладываюсь спать, подложив сумку под голову.

— Сказано было «на рассвете». — Бухнув передо мной пустое гремящее ведро, веда уходит, а я окончательно просыпаюсь. Солнце давно поднялось. Провалы в небытие продолжаются, вода не лечит разум. Отправляясь к колодцу, я возвращаюсь мыслями к Сапсану. Ждет ли меня тоже самое? Для него все началось после падения с лошади у Крифа, а я летела вниз определенно дольше. Теперь, когда Ардар снова далеко, а мне не нужно прятаться от зверей

и холода, имеет смысл понять, что за знаки посылало Время на границе восточных земель, а также разобраться, почему Древние разделились в своем гневе, прочесть книгу, наконец освободиться от клятвы и расквитаться за все.

Согрев два ведра, я заполняю третье колодезной водой.

«Ты не мертвая». — внезапно рычит Кала, я едва не роняю ведро, расплескав половину на ноги. — «Он пришел. Без тебя. Слабый. Звал Смерть».

«Я сбежала. Опять».

«Поговори с ними».

«Нельзя. Они должны скорбеть».

Мои бедные девочки. Я чувствую, как щемит и жжет в груди от этого решения, но принимаю его без колебаний. Ардар не должен сомневаться в моей гибели, а потому их слезам и чувству утраты стоит быть настоящими, искренними. Я не думала, что он сообщит девочкам, но знаю его коварство — это может оказаться проверкой. До восхода красной планеты он не сможет требовать с них клятву и не рискнет причинить вред. Если я выжила и ранена, то, забрав боль, могу и сгинуть. А Ардар меня бережет.

Кала рычит: «Одна не верит. Другая смелая и глупая. Не скажешь, случится беда».

«Я защищаю девочек. Все будет хорошо. И однажды он поймет, что я жива. А до тех пор храни их. Вся моя сила — вы.»

Кала замолкает. Мудрая тысячелетняя химера. Она не спрашивает, она разделяет мою тоску, печаль.

Я возвращаюсь в дом и обиваю снег с сапог, воду велено носить в ведрах, а не на обуви. В комнатке с печью за столом сидит веда, перебирает зерна, отсеивая гнилые. В утреннем свете она не так молода, как при свечах, волосы с редкой сединой, а платье в застарелых пятнах крови. Ее взгляд очень похож на взгляд Иаро, такой же усталый и горький.

— Ты хворая? — спрашивает веда, когда я водружаю ведро на печь, и, видя мое недоумение, добавляет: — Немощная, хилая, больная.

— Оправлюсь.

— С бременем? — не отстает веда, и я снова не понимаю слова. — Пузо вырастет?

— Нет. У меня не будет детей.

— И то радость. Надолго здесь?

— Поглядим.

— Сделай мне средство от боли, — велит веда. Она указывает на склянки с травами на полке, и я беру одну из них, высыпаю в стакан листья, заливаю теплой водой и отставляю в сторону.

— Должен настояться, — объясняю я, сев, напротив. Веда еле заметно кивает, ее губы трогает легкая улыбка, но взгляд не меняется.

— Я Бона. Тебя как звать?

— Как больше понравится.

— Прячешься? — легко догадывается Бона. — Если в город будешь ходить, лицо замотывай, а всем говори, что сыпь. Перчатки поэтому не снимаешь, клеймо есть?

Я молчу, это лучшее, что можно сделать — не ответить.

— Мне до твоих тайн дела нет. Живи, сколько потребуется, пока будешь с работой справляться. Хлеб на столе, молоко в крынке. В той посуде, — объясняет Бона очередное непонятное слово. — Послали Боги помощницу. После завтрака смешай травы, две горсти отсюда и три — отсюда, залей так, чтобы вода закрыла, а как размокнут, растолки, смесь выложи и просуши. Так пять раз. Работы тебе на несколько часов, закончишь, можешь обедать.

Я киваю, пока все просто.

Бона уходит, забрав стакан с настоем. Видимо, она сама хворая.

Над столом висит календарь, первый месяц зимы подходит к концу. Осталось всего два, да и весна сюда приходит раньше, чем на Север. Как только погода станет спокойнее и пойдет первая поросль, можно отправляться на Запад, если в книге за эти месяцы не найдется ничего стоящего.

После полудня Бона дает мне другое задание, а сама занимается больными, люди приходят к ней с кашлем, животом, открытыми ранами. Веда принимает каждого. Вечером, я уставшая сижу на крыльце, ожидая появления звезд, когда снова приходит женщина с больным сыном, мальчик остается во дворе, а мать заходит в дом и закрывает двери. Бона сказала, что на сегодня работа окончена, и тем не менее не выгоняет ее. Я добро улыбаюсь мальчику, сегодня на нем шапка и кривая голова не так заметна. Глаз у него косит, кончики губ с одной стороны опускаются вниз и дергаются, стоит ему попытаться улыбнуться в ответ. Меня переполняет жалость. Тяжелая ноша на его плечах. Он опять уходит в угол двора и начинает что-то ковырять, на этот раз руками. Когда солнце уже почти садится, мать выскакивает на крыльцо, стирая слезы, и, подхватив мальчика, уходит. Я дожидаюсь звезд и, не найдя красной планеты на небе, возвращаюсь в постель, зажигаю свечу и открываю книгу.

Высохшие страницы с размытыми буквами. Бумага стала еще более неровной, и переплет потрескался. Мне повезло, что чернила были закреплены каким-то раствором прежних людей, а страницы прошиты. Почти все рисунки превратились в цветные пятна, но слова, большинство слов, с трудом, но можно прочесть. Охровым карандашом я поправляю знак за знаком, иногда с трудом догадываясь, что было написано прежде.

С каждым днем мне удается узнать чуть больше.

Скорбь можно уменьшить, вплетая заговоренные серые нити в волосы.

Боль заглушить, обвязав руку голубой лентой.

Кошмары уходят, если сжечь их рисунок.

Цвета имеют значения: желтый цветок успокоит, красный разбудит, синий спутает мысли.

Мертвые камни впитают вместе с кровью все, что я захочу им отдать: воспоминания, чувства, эмоции, и не вернут их.

А вот провидцы действительно могут читать знаки Богов, но в это верится с трудом.

Я нахожу подтверждение слов матери: земля была прежде всего, она едина, воды идут из в глубины, уходят в небо и возвращаются с дождем, огонь не горит без воздуха, а воздух повсюду. Долгими зимними ночами я раздумываю о Древних Богах. Об их благосклонности и гневе. Огонь и земля не жаждали от меня жертвы по одной простой причине — им она больше не нужна. Сожженное тело моего ребенка и сверх меры пролитая кровь в тихих землях — достойные подношения.

Нахожу страницы о клятве, они пострадали ровно так же, как и остальные. Мать была права, но я читаю, обдумывая каждую незначительную пометку. Должен быть еще один путь. Боги всегда оставляют несколько дорог, так интереснее. Клятву можно передать, но это ее не отменяет, а потому мне не подходит.

Проходят две декады, в которые я восстанавливаю книгу, делаю настои и отвары, выполняю поручения, а каждый вечер к дому веды приходит женщина с сыном, оставляет его снаружи, говорит с Боной за закрытыми дверями, забирает мальчика и убегает в слезах. Снег заметает город и дороги, у дома все чаще толпятся люди. Я ношу ведра к печи, стираю бинты, готовлю хлеб и учусь понимать местный говор. Оставшись в одиночестве, снимаю перчатки, у которых давно срезала пальцы, и с любовью смотрю на шрам.

— Ну что? Долго еще у меня работать будешь? — спрашивает Бона, стоит наступить последнему месяцу зимы.

— Мешаю? — Я ставлю ужин на стол.

— Если останешься, обучать буду. Ты толковая.

— Не останусь. Лучше подскажи, где лошадь можно найти.

— В Огле. У нас ни полей, ни конюшен, больше охотничий промысел, шкуры, мясо. Мужики туда ездят торговать пушниной.

Хорошо. Судя по разговорам, Огла недалеко, доберусь.

— Ну, — произносит Бона, она так и не дала мне прозвище, — чего у тебя болит? Почему не жалуешься? Не прогоню же, никого не прогоняю. Глаза больные не прячь, говори, что мучит. Душу тоже лечить надобно. В храмы не бегаешь, Богам не молишься, а безнадега — жуткая штука, ее извести нужно.

Но я еще не проиграла и потому улыбаюсь в ответ. Нет. Не проиграла.

Больше она не спрашивает ни о прошлом, ни о будущем. Бону действительно не интересуют чьи-то тайны, она занимается больными, кое-кого оставляет в доме на несколько дней: незадачливого парнишку, распоровшего себе ногу о железный прут, или женщину в летах с хриплым дыханием; а некоторых выпроваживает почти сразу, называя притворщиками. Лечащих ведов в городе несколько, но она не гонится за наживой, если помочь не может, так и говорит людям, отправляя к другим.

Пару раз она платит мне золотом, то ли по доброте, то ли по совести, я принимаю и откладываю на коня, а потом отправляюсь в школу, чтобы прикупить бумаги, планируя переписать наиболее важные части книги. Многие страницы в слишком плохом состоянии, мне не хочется рисковать.

Я читаю и учусь, что-то пробую на себе. Заговоренные нити, которые я делала для Ивы, — сущая мелочь. Человек, напечатавший книгу, скрупулезно собирал сведения о Богах, когда они только вернулись и были открыты и тщеславны, упиваясь тем, как люди быстро утратили значимость и, спасаясь от кромула, жидкого огня, высоких волн, трещин в земле, склонились.

Боги не слышат молитв, они не знают людского языка, но видят знаки, ленты, цвета. И, судя по всему, исходя из написанного, взамен, не имея возможности заключить сделку, они забирают немного души: клочок, кусочек, частицу, каплю; я не знаю, чем меряется душа. Храмовники часами стоят на коленях, думая, что этого достаточно, но молитвы и подношения не нужны ни одному Богу. Кровь и души — вот, что им нужно. Раньше мне казалось, что только Смерть имеет такую власть, а теперь выходит, когда я плела браслеты для Ивы, я вкладывала туда немного себя. Мама рассказала мне самую малость, надеясь, что заговоренные нити укрою девочек от Богов, но, как ни старалась, Смерть пришла посмотреть на них уже во вторую весну.

Я, должно быть, самое большое разочарование матери, а ведь она не знает, что я выросла из милой девочки, играющей на берегу реки со своей собакой, и стала похожей на Ардара. Нужно было ей сказать. Позволить ему. Разрешить себе ненавидеть еще кого-то, кроме Ардара. Чего уж теперь-то.

Возвращаясь из школы и пряча бумагу от снега под курткой, я натыкаюсь на мальчишку, снова ковыряющегося во дворе. На крыльцо выбегает женщина, зовет сына, но он не откликается. Дверь дома гулко хлопает, отчего мать вздрагивает и, спохватившись, бросается к ребенку, берет его на руки и проходит мимо. Я вижу покрасневшие заплаканное лицо. Губы у женщины дрожат, и она прячет голову мальчика, прикрывая ее рукой. Вот, где больные глаза, звезды отражаются в них, и я тут же вспоминаю другие, темные, черные как ночное небо в тучах.

Как там твоя земля, Волк? Помогли ли книги? Мне — не слишком.

— Постой. — Я ловлю за локоть женщину, она смотрит так, будто видит впервые, не замечала меня сидящей на крыльце все эти вечера. — Подожди.

— Дай ей уйти, — велит Бона.

— Ты ходишь в храмы? О чем ты просишь Богов?

— О милосердии, — зло отвечает женщина. — Чтобы они освободили меня и его! — А потом стыдливо сбегает, пряча и свое лицо.

Я оглядываюсь на дом, где веда подпирает столб крыльца, смотрю вслед матери, молящейся о гибели ребенка. Кладу руку на живот. Шрам под ней странно ноет и тянет.

— Не всякий бой можно выиграть, девочка, — скорбно произносит Бона, когда я подхожу ближе.

— Она за этим приходит сюда каждый вечер?

— Чуда ждет. А что я могу? Если бы нога кривая была… А голову не вылечить. Вот она и просит помочь так или иначе, только я не соглашусь. Пусть себе грех берет, если рука поднимется. А ты спать иди. Завтра с утра ванну воды натаскай и согрей. Давай, нечего мерзнуть. Каждому свое Боги отвешивают и сверх меры не дают, так?

Время создает пути для каждого и ему нет дела, силен человек или слаб. Не пройдет один, пройдет другой. Тысячи тысяч дорог.

Я укладываюсь на постель и пытаюсь заснуть, продолжая держать ладонь на животе. Тяжесть ложится сверху и давит. Я не осуждаю женщину, как меня не осуждала Хозяйка, подумав, что я отказалась от девочек. Моя мать тоже сделала сложный выбор. Верба боролась за дочь до последнего и победила. Но не всякий бой можно выиграть…

Если бы не сделка с Забвением, я не смогла бы заснуть, проворочавшись в постели до рассвета, путаясь в непонятных мыслях.

Утром привозят пожилого скрюченного мужчину, и мы с Боной опускаем его в приготовленную ванну, она, уже в одиночку, массажирует и расправляет конечности, расслабляя и облегчая страдания. Мне достается уход за раненным парнем с рассеченной ногой и женщиной с хрипами. Я меняю повязку на ране, обрабатываю шов, даю настой для снятия боли, обмазываю хилую грудь мазью, проветриваю комнаты, варю обед, приношу еще воды. Делаю много, а думаю о другом.

Я хотела помочь несчастной матери, но теперь трушу. Ей не нужно уменьшить боль, улучшить сон, смягчить горе. Ей нужна свобода для сына и себя. А я не могу этого сделать. Зато могу остудить вулканы, успокоив их.

Я смотрю на огонь в печи, пока грею воду. Пламя превращает песок в стекло, руду в сталь, живое в мертвое, мертвое в прах.

Я — стекло.

Я — сталь.

Я — прах. Мой огонь изжег меня дотла.

— На сегодня все, можешь заниматься своими делами, — Бона садится за стол и накладывает в тарелку ужин. — Если совсем тошно от себя станет, говори, прежние люди верили, что слово тоже лечит.

И я долго сижу на крыльце, пытаясь выкопать из праха, которым стала, что-нибудь уцелевшее. Лучше бы Смерть забрала меня на том камне. Не лучше. Тогда девочки останутся без защиты.

Им я тоже не могу помочь.

Во двор заходит женщина, оставляет сына и идет к Боне. Снова просить о милосердном убийстве. Мальчик отправляется в любимый угол и принимается там ковырять. Я не подхожу к нему, просто продолжаю наблюдать. Череп бросается в глаза, и мне хочется гладить ребенка по голове, пока болезнь не уйдет, исцелить угловатость лаской, нежностью, любить маленького, не осознающего свою ущербность человека, чтобы он знал — мир не всегда зло. Иногда Боги милостивы.

Мальчишка вдруг оборачивается, как зверек пятится назад и сжимает что-то в кулаке. Я протягиваю к нему руку, выпрашивая доверие. Он с осторожностью делает несколько шагов и, подобно Птахе, принюхивается к моей ладони, а потом неожиданно быстро показывает, что нашел. У него в кулаке лежит засохший прошлогодний цветок, чудом не истлевший под сне-

гами. Мальчишка гордый, косит одним глазом и беззвучно смеется кривым ртом — выковырял все-таки.

Я накрываю его ладонь своею, а потом убираю ее. Цветок оживает, лепестки набирают яркость и силу, сочность, твердость. Завороженный мальчик смотрит на чудо не отрываясь. Грязными пальцами он осторожно гладит лепестки и начинает подпрыгивать от радости.

На крыльцо выскакивает мать и, заметив мальчика рядом со мной, испуганно подхватывает сына, будто я собиралась гнать его палкой. Она продолжает защищать его, отступая от дома, даже не узнавая меня. Мальчик же протягивает матери цветок и льнет к шее, доверчиво смеясь и не боясь ничего. Женщина всхлипывает и целует, целует дитя, и любовь исходит от них волнами, окутывающими, трогающими, ранящими.

Я ухожу к колодцу, сдерживая слезы, и открываю то, что было заперто годы, но не знаю, с чего начать, какие слова подобрать, и просто стою, смотря на небо, боясь увидеть восход красной планеты.

«Это ты?» — спрашивает Тиа после долгой тишины, всегда более чуткая, чем сестра, и я закрываю глаза, поджав дрожащие губы, отвечаю простое:

«Да».

«Лин знала…»

«Ардар не должен понять. Пока он считает, что я разбилась, он не ищет меня».

«Где ты?»

«Далеко, Тиа. Пока я не могу вернуться за вами».

«Ты здорова?»

«Да, послушай, чтобы ни случилось оставайтесь вместе. Помни, я никогда не сдамся. Боги не решают нашу судьбу».

«Мы скучаем», — успевает сказать Тиа, прежде чем я снова закрываюсь, будто опускаю крышку сундука. Говорить с девочками всегда тяжело, потому что после невероятно сложно удержаться от встречи с ними, бросить все и увидеть, и остаться. Потому я не мучаю себя. Теперь они знают и будут спокойны, а я больше не поставлю свою безопасность выше их чувств. Такого не будет. Девочки — это оплот. Часть меня не истлеет, пока живы они.

Первый дождь, знак скорой весны, проливается, пока я стираю слезы.

Хорошо. Ладно. Пора в дорогу.

Я предупреждаю Бону, что уйду в конце декады, чтобы она успела найти другую помощницу. В доме веды тепло, светло и спокойно, но мне нужно возвращаться на свой путь. Книга все еще не изучена до конца, надежда на какую-то подсказку у меня остается.

В какой-то момент я раздумываю о том, чтобы посетить другие тихие земли и найти еще книги в доме знаний прежних людей. Встретить иную хранительницу, которая, возможно, согласится помочь. Ниады по-прежнему вызывают утробный необузданный страх, но, прежде чем отправляться на Запад, стоит рискнуть и пройти через лес, а не на костер. Последняя большая подробная карта южных и центральных земель попадалась мне на глаза в селении хаасов.

За пять дней до истечения декады я просыпаюсь резко, среди ночи, как от толчка. Необъяснимая тревога разгоняет сон за мгновение. Подскочив на месте и свесив ноги на пол, я оглядываюсь. В комнатке никого нет и нет опасности. Чутье продолжает зудеть в груди, и, поднявшись, надев штаны и сапоги, застегнув рубаху и спрятав в голенище нож, я подхожу к входной двери, открываю ее и оглядываю двор. Свечной фонарь почти погас и ничего не освещает. Осторожно и тихо я ступаю на крыльцо и расправляю ладонь, но зря, крики доносятся до меня прежде, чем отзывается ветер, а довольно далеко, где-то у самых ворот сияет зарево огня.

— Внутрь, — резким шепотом произносит Бона, заставляя меня вздрогнуть. — Живо.

— Что происходит?

Бона закрывает хлипкую деревянную дверь на замок, стоит мне вернуться.

— В середине осени недалеко отсюда прошла трещина, наверное, из-за очередного извержения на Востоке. Большая часть разлома пришлась на город, крайний к границам. Это выжившие оттуда.

— Что?

— Они разорили несколько торговцев, нападали на дороге. Мы ждали их. Мы готовы, все обойдется.

— Когда? — Ошеломленная, я опираюсь спиной на дверь. — Когда прошла трещина?

— После того, как пошел первый снег. Сначала земля вздрогнула, потом обвалилась, и в расщелине появилась река, она смыла уцелевшие после разлома дома.

Ноги подкашиваются, и если бы не опора, я рухнула бы на пол. В голове звучит голос Тумана: «Скольких ты убила, Жрица?».

Города, Волк, я убиваю города, спасая себя. Зря твой палач меня не казнил.

— Ляг в постель, нечего тут скакать, — ругается Бона на парня с рассеченным бедром и подставляет ему плечо, помогая добраться до кровати. — Всем сидеть тихо.

Город… Посчитали ли Древние погибших принесенной жертвой? В этом суть? Земля насытилась, а вода нет, ей было недостаточно.

Ардар уничтожал селения, ведомый веской целью, а я просто так, потому что не хочу умирать. Боги, я даже хуже него…

Мне душно, не хватает воздуха, хочется выйти и умыться снегом.

— Хватит, — Бона подхватывает меня за локоть и тянет к постели. — Ляг, не бойся, дом не тронут в любом случае. Завтра у нас много работы, соберись.

Она уходит к себе, а я сижу на дощатом настиле остаток ночи, монотонно раскачиваясь, сжав кулаки, чтобы даже ветер не донес до меня крики умирающих людей.

Кала тревожно рычит, напуганная моим состоянием. Я отмахиваюсь, не сейчас.

А Старая Мара предсказала мор. Что может быть страшнее меня?

Когда начинают появляться первые пострадавшие люди, я понимаю, что бой закончен. Мой бой закончен. Меня не осталось, и как только взойдет красная планета, я получу свободу. Все скоро закончится.

Свой путь в Оглу я начинаю на рассвете пустая и тихая, движимая только обещаниями.

Глава 4.

Лес готовится к весне: постепенно пробуждаются животные, начинает появляться трава. Я вспоминаю, какой она была в прошлом году или какой была я в ту пору, потому что природа расцветает всегда одинаково: снег уходит в землю, поднимается первая поросль, солнце насыщает маленькие листья, на деревьях и кустах распускаются цветы, просыпаются насекомые, за ними птицы, звери; а я в этот раз как мертвый камень — ничто не меняется.

Кала, напуганная моим состоянием, пытается пробиться и достучаться все эти дни, но в какой-то момент я закрываюсь от нее, как и от девочек. Шум ветра и леса — единственные звуки, что я могу вынести. Путь до Оглы занимает полторы декады, за которые мне нет нужды произносить хоть слово, и, стоя у ворот города, я не помню ни одного языка: ни северного, ни южного, ни того, на котором говорила с Богами.

Немота становится спасением, данным мне незаслуженно. Она освобождает от необходимости говорить, и мысли, продуманные сотни раз по кругу, не получая нового витка, затихают и опускаются на дно, оставляя на поверхности блаженную пустоту.

Проходя сквозь ворота в сумерках, я не оглядываюсь по сторонам, иду мимо зазывал по улицам в поисках лошади. На окраине, с восточной стороны, в отдалении от жилых домов виднеется невысокая продолговатая постройка, откуда доносится ржание. Добравшись до конюшни и не замечая терпкого запаха, я толкаю дверь и вхожу внутрь. Кони тревожатся, бьют копытами в стойлах. С другого конца постройки из-за угла появляется мужчина с ведром навоза.

— Ищешь кого? — произносит он, и я не сразу понимаю слова. Не сразу слышу. Отвыкла.

— Лошадь, — хриплым, низким от молчания голосом я бормочу тихо, дождавшись, пока конюх подойдет ближе. — Хворая есть?

— Хворая?

— Больная.

— Знамо мне, что такое «хворая», на что тебе такая?

— Богам в жертву отдам.

— Экая ты, нежалостливая.

Я пожимаю плечами.

— Есть такая. Только зачем лошадь, когда в лесу зверья полно? Хороший конь, он как добрый друг, в беде выручит и поможет. Они ж умные, голос узнают, ласку понимают, страх опять же. Возьми глупого зайца или белку. Богам, поди, все равно.

Я снова пожимаю плечами.

— Сколько дашь? — мужчина ставит на пол ведро и чешет живот. Я вытаскиваю из сумки все, что осталось от подачек Боны. — Кобылка молодая да с подседалом, приплода не будет. И не скаковая. Не резвый жеребчик.

— Не друг теперь, значит? — безучастно произношу я, не желая уколоть.

— Все равно на бойню, — сокрушенно произносит он, забирает золото и ведет в другое здание, где в стойлах также стоят лошади. — Забирай. — Конюх выводит ее ко мне, прежде накинув сбрую. Я берусь за поводья и молчу. Карие глаза доверчиво смотрят.

— Еще чего-то? — спрашивает мужчина, устав переминаться с ноги на ногу в ожидании. Я качаю головой и увожу лошадь, не прощаясь. Кобыла, доставшаяся мне почти даром, послушно идет следом. Вышло слишком легко. Прошлого коня, который утонул, подстреленный Туманом, я выкупила с трудом, долго собирая золото. Хороший был конь. Жаль его.

Нынешняя лошадь покладистая, ушами шевелит на голос, не голодная. Блуждая по улицам в поисках, я наконец набредаю на храм, оглядываюсь на кобылку, привязываю ее за поводья к столбику и вхожу.

Церемониальные похороны, протекающие в такт ударам по ритуальному барабану, заставляют остановиться прямо в дверях. Я вижу Скорбь вокруг людей и покойника, она видит меня. Лицо залито слезами, полно грусти, губы искажены в безумной улыбке.

Скорбь остается рядом с мертвым, закованным в саван, и одновременно оказывается в метре от меня. Я закрываю глаза, не в силах смотреть на двойственность. Она чувствует во мне надлом и теперь ищет трещину, сквозь которую сочится вина и боль. Я делаю глубокий вдох, чтобы набраться смелости, и гляжу на Скорбь. Она поворачивается ко мне печальной стороной, соболезнуя, выманивая на поверхность успокоившиеся мысли.

Не будет сделки. Я выдержу все что угодно ради девочек, а потом будет неважно.

Похоронная процессия удаляется, и в зале остаемся только я и храмовник.

— Чего тебе? — спрашивает он, совсем не добродушный старик.

— Чаша нужна. Жертву хочу принести в святом круге.

— Достойную?

— Лошадь привела.

Храмовник проникается уважением и, принеся чашу, выходит вместе со мной на улицу. Завидев кобылу, он еще раз убеждается в серьезности слов и, дождавшись, пока я отвяжу поводья, указывает на место уединения, где на земле начерчен святой круг. Наивный храмовник и люди верят, что Боги чтут жертвы сильнее, если мы создаем обряды и традиции.

— Мясо нам отдашь?

— Нет. Лошадь на бойню готовили.

Богам безразличны метания и поклонения, как и подношения, количество и размер храмов. Святой круг удобен тем, что чужой взгляд едва ли может проникнуть за плетенную изгородь. Надо было спросить как Туман понял, что я убила в нем оглохшую, потерявшую возможность слышать Богов женщину.

Живая изгородь из плотно переплетенных, с уже набухшими почками, стволов и ветвей, сходящихся в одной точке наверху, образует купол. Я завожу туда лошадь, принимаю чашу от храмовника, он ждет какой-то благодарности, но у меня ничего нет, кроме пары вещей, ножа и книги. Обрывки веревки не сойдут за плату. Обиженно поджав губу, старик уходит, оставляя меня одну молиться и убивать. Я не беру ритуальный клинок, достаю свой из сумки и, легко провернув рукоять, резко полосую себя по запястью. Кровь брызжет, я развожу ее по святому кругу, пачкаю чашу, завязываю запястье бинтами, взятыми у Боны, и останавливаюсь напротив кобылки.

Я кладу ладонь ей на лоб и склоняю голову. Лошадь кивает и не скидывает руку. Принимает.

— Пойдем, — шепчу я на древнем языке, — пока нас не увидели.

Ложная жертва запутает след. Когда Ардар отправится на поиски, первыми станут пограничные города, переговорит с Боной, она расскажет об Огле, конюх — о лошади, храмовник — о жертве. Но Ардар знает, что мне нет нужды убивать в святом круге, чтобы Боги услышали, и он не сможет понять, действительно ли я вошла в город, как и куда исчезла.

Оставив следы крови повсюду, мы уходим тихо и незаметно. Под покровом ночи, стены Оглы остаются позади.

На небе, кроме луны и звезд, больше ничего нет. Осталось немного.

Я плутаю по лесам, избегая дорог, добираюсь до реки и следую вдоль по руслу, стараясь держаться в направлении к Западу. Продолжаю читать книгу, не разжигаю костров, сплю верхом на лошади, потому что почва еще холодная. Распускаю волосы и заплетаю обычную прямую косу, выбрасываю куртку, как только сходит снег, и другую одежду, что видел Ардар. Нож приходится носить при себе, не имея возможности обменять на более полезные вещи, слишком приметный.

Я путаю следы, часто пересекая реку в брод, меняя берега, иногда пускаю лошадь прямо по мелководью. Она послушная, ласковая, преданная, щиплет свежую траву и не дыбится. А главное — с ней нет нужды говорить. На задней ноге у кобылы выжжено клеймо бывшего хозяина, прямо как было у меня, когда Ардар решил, что меня нужно пометить. Я часто глажу ее по шее и голове, успокаиваю, когда раздаются вой или рык хищников, а в ответ она идет по ночам, осторожно ступая, чтобы не свалить меня. Молодая, доверчивая.

Мы прячемся от дождей под олиственшими раскидистыми ветками. Мимо городов и селений, я блюду, чтобы никто не заметил тихо шествующую одинокую путницу. Мне помнится, Туман следовал за мной не один день, а я и не замечала. Он видел меня, наблюдал. Любил. Потом я запрещаю себе вспоминать Тумана. Это больно.

С наступлением теплых дней весны я понимаю, что мне нужна карта. Блуждать по густеющим лесам вслепую становится сложнее. Мое нутро противится просить помощи у Древних без острой необходимости, и из всех возможных выборов — воззвать к Забвению, чтобы вспомнить; слушать ветер и землю, чтобы узнать — я выбираю карту Ардара, большую подробную карту четырех земель: южных, северных, западных и центральных. Может быть, уже и восточных, учитывая, что вулканы там теперь затихнут.

Я останавливаюсь до заката, привязываю поводья к большой низкой ветке и, погладив лошадь по шее, прислоняюсь к ее морде лбом. Закусив губу, отрываюсь, обретая стойкость, и отправляюсь к нему по нити клятвы, связующей нас прочнее, чем корни — деревья с почвой.

Демоны, где взять силы?

Ардар сидит на полу, опираясь спиной на кровать, откинув голову на постель. В доме, который весь — одна большая комната, темно, окна завешаны одеялами, так что ни единого луча солнца не проникает. Несчастный, жалкий, слабый, как и говорила Кала. Я хочу улыбнуться. Чтобы ранить его, сломить, размолотить нерушимого, непробиваемого, каменного Ардара, нужно было умереть слабой, безвольной, пугливой мне. Я могла бы смотреть на это целую вечность. Знать, что он страдает, и не делить это с ним — подлинная радость.

Он недвижим, как истукан. Я тоже. Но скоро мне придется вернуться в себя, и я делаю один бесшумный шаг.

— Опять ты? — злым шепотом произносит Ардар, поднимая голову и открывая глаза. — Все еще мучаешь меня? Стоишь тут и молчишь, смотришь. Укоряешь. А я просил тебя не прыгать. Просил! Но тебе милее бездна, чем мои руки. Тебе что угодно милее меня. Я же враг, убийца. Дрянь ты, Кошка, с детства была такой. Только ты и твои девчонки, больше для тебя ничего не существовало. Кошка… Львица… А была котенком. Думаешь, я хотел это делать? Ребенок удержал бы тебя на месте не один год, но ты не оставила мне выбора. Ты! Вынудила меня. С каждым днем для тебя это становилось опаснее. Если бы я ждал дольше, ты бы не выжила. Думаешь, мне не снятся сны, где ты кричишь от боли, умоляешь, а я держу твои руки? Ты… Кошка… Моя… Я тебя берег, жалел, пытался оградить, защитить. Заботился. Если у меня и была душа, то она исчезла вместе с тобой.

Я делаю еще один шаг, опускаюсь на корточки, Ардар наблюдает за каждым движением с затаенной надеждой, с раздраженной усталостью. В его глазах слезы. Я довольно улыбаюсь.

Больше, чем твои страдания, меня обрадует только твоя гибель.

— Пошла прочь, — велит Ардар, отворачиваясь. Однажды он узнает, и это будет величайшим подарком Богов для него, а пока моя очередь. Я поднимаюсь и отхожу в сторону. К карте. Несколько долгих минут смотрю, запоминаю, многое позабылось за годы скитаний. А потом возвращаюсь к лошади. Солнце уже окончательно село, и лес наполняется ночными звуками. Где-то далеко звучат голоса охотников. Мне не страшно. Я стала своим злейшим врагом, попробую ненавидеть себя.

Добираясь до Кортиги, я обхожу остальные города стороной и только там задерживаюсь на несколько дней, оставив кобылку на постой и пообещав расплатиться позже. Ее отмоют и

откормят, пока я буду искать того, кто поможет с восстановлением книги. Здесь почти год назад я убила шестого человека, а потом перестала мелочиться, и умирать стали целые города.

Не Жизнь создала меня во чреве матери, а Смерть. Я — мор, я — жнец.

Зачем ей девочки, если есть я? Что она может сотворить, если получит еще и их? Как только я прочту книгу и не найду нужного ответа, что будет дальше? Куда идти? Кого просить о помощи?

Пока девочки в безопасности. Едва Ардар закончит оплакивать меня, их положение может измениться, но Кала предупредит это, не даст кому-то подобраться. В этом случае я самолично сообщу Ардару, что жива, вернув его внимание к себе.

В голове мелькает внезапная мысль, и я вздрагиваю от неожиданности.

«Кала», — она не отвечает, но слышит. — «Как сильно за вами следят сейчас? Ты сможешь увести их в тихие земли?»

Если да, я отправлюсь туда сразу же, потому что не будет нужды бороться с Ардаром, девочки будут свободны, мне не составит труда пройти через ниад, и там, в доме знаний прежних людей, может, найдутся еще книги.

«Нет», — отвечает Кала.

«Почему?»

«Они еще не слышат».

Я зло бью рукой о стену от разочарования. Когда услышат, будет поздно.

«Не следят. Можем уйти».

«Куда?!» — все еще не совладав с собой, я срываюсь на ней. — «Под весенние лавины?»

Она молчит. Кала мудрая, старая, она не обращает внимания на, по сути, детские для нее истерики.

«Я не знаю, что мне делать», — чувствуя подступающие слезы, закрываю глаза, чтобы сдержаться. Ноша мне не по плечу. Груз вины, что я тащу далеко не первый день, истощает и отяжеляет и без того трудный путь. Но, помимо этого, я, сбежав от Арадара, разрываюсь от желания отправиться к Туману и увидеть девочек. Я чувствую разделение, раздвоение, расщепление и еще много всего внутри, как нарочно мешающего быть сосредоточенной на единственной важной цели. Я чувствую раскаяние за грехи, опустошающую горечь, неимоверную тоску по дням, когда мир был проще и мельче, когда была только Птаха, а мама еще не пыталась исправить ошибки с помощью меня. Я чувствую себя преданной, оставленной, брошенной, бессмысленно мечущейся по земле, потому что минул год, а я все на том же месте, не продвинулась в поисках спасения. Я как отчаявшаяся мать больного ребенка, каждый день взывающая о милосердии к тем, кто не испытывает жалости, и просящая о помощи ту, которая никогда не поможет.

«Ты сделаешь», — спокойно произносит Кала, такая уверенная, верная, преданная мне. Мой друг, моя защита, моя опора. — «Ты одна, кто сделает».

Мне становится чуть легче оттого, что она не ждет извинений или оправданий, что она все еще остается со мной, пусть я невыносимо противна и склочна.

«Заканчивается пятый год, Кала, и ничего не изменилось».

«Пять», — фыркает она, прожившая больше тысячи лет. — «Ты успеешь до восхода».

Хорошо. Ладно.

Я сдаю собранные в лесу и высушенные травы, вырученным золотом плачу за постой лошади и отправлюсь на поиски гостевого дома.

Кортига не изменилась за прошедший год. Запоздало я думаю, что если бы отшельница-храмовница, которая мечтала о встрече со Смертью, нашла меня ныне, мы бы обе обрели желанное. Она — гибель, я — свободу от клятвы. Но год назад у меня не было книги, а теперь нет ее. Время забавляется, создавая такие петли и развилки.

Тем не менее я снова здесь, снова ищу человека, который опять даст мне карту, чтобы больше не пришлось возвращаться к Ардару. В прошлый раз он изготовил ее в течение пяти дней и затребовал за это немало. Навестить мастера по краскам я планирую по утру и тогда же попросить его восстановить рисунки в книге, если это возможно. Я вырываю страницы с текстом, который переписала еще у Боны, и складываю их в карман штанов, закрываю сумку и стучу в дверь гостевого дома.

Комната с тремя соседями достается мне без труда и ужина. Мужчина, что распределяет места, долго расспрашивает, но, натолкнувшись на вежливое молчание, вручает ключ и желает доброй ночи. Я забираюсь на кровать второго яруса и, спрятав сумку под подушку, быстро засыпаю, а с первыми лучами солнца уже готова отправляться дальше.

От короткого разговора с Калой муть в мыслях становится светлее, думать проще.

В книге восход красной планеты описан как явление небесного тела — великое противостояние. Даже Богам нужна точка отсчета, что-то крупное, знаменательное. Их возвращение, наше, людей с оборотной тенью, химер, все произошло в одну ночь, с тех пор Земля сделала пять сотен оборотов вокруг Солнца, и красная планета должна была восходить около трех десятков раз. Вероятно, по подсчетам, это последний год, что есть у нас с девочками. Нужно торопиться.

Уточнив у кухаря дорогу до мастера, я выпиваю стакан молока и, поправив сумку на плече, ухожу. Знакомый дом отыскиваю быстро. Дверь отпирает его молодая жена или дочь и проводит меня в комнату.

— А! Юная дева, что была терпелива и согласилась подождать! — Восклицает он, поднимаясь навстречу. — Я еще не отдал работу? — Тут же поражается мастер и берется за записи.

Опешив от удивления, я не сразу нахожу, что сказать.

— Отдал-отдал, — сверившись с бумагами восклицает он и теребит чуб на лбу. — Подробная карта. Год назад, да, юная дева? Ох, как быстро бегут дни. Память, память на лица! Я ведь художник, — мастер радостно хватает меня за руку и трясет ее в знак признательности и дружелюбия. — Лано рисует так, что люди обязательно приходят снова. С душой! Портрет, да, дева? Прекрасный будет портрет. Такая печаль в глазах, такая мука! Люди будут плакать, видя рисунок.

— Карту. Точно такую же, — наконец выдавливаю я, высвободив руку, чтобы достать страницы из кармана. — И вот. Сможете хоть как-то восстановить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.